УМБЕРТО
ЭКО
КАРТОНКИ
МИНЕРВЫ

Умберто Эко

Картонки Минервы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829002
Картонки Минервы: Сборник / Умберто Эко: АСТ: CORPUS; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-091017-5

Аннотация

Умберто Эко – самый знаменитый итальянский писатель, автор мировых бестселлеров «Имя розы» и «Маятник Фуко», специалист по семиотике, историк культуры, лингвист, лауреат крупнейших премий. Его труды переведены на сорок языков. «Картонки Минервы» – сборник публикаций в миланском журнале «Эспрессо», где профессор с 1985 года ведет еженедельную колонку. Автор говорит, что название книги связано со спичками «Минерва», которые у него всегда под рукой, а на обороте тех картонок он пишет свои стенографические заметки, откликаясь на большие и малые события в мире.

Содержание

Предисловие 5
Темная сторона галактики 7
О миграциях 7
Война, насилие, справедливость 9
Изгнание, Рушди, глобальная деревня 11
Сколько стоит обрушить империю? 13
Повешенье в прямом эфире, за ужином 15
New York, New York, what a beautiful town! 17
Синагога Сатаны и «Протоколы Сионских мудрецов» 19
Снова о синагоге Сатаны 21
Тело и душа 23
Политкорректность или нетерпимость? 25
Об одном процессе 27
Косово 33
Брега любимые[56] 37
Стоит ли убиваться из-за телевидения? 37
Нюансы Сопротивления 39
Мои сочинения о дуче 41
Несколько веских причин, чтобы бросить бомбу 43
О шпионах 45
«Коррида» Коррадо и настоящая страна 47
Стыдно не иметь врагов! 50
Заметочки о каникулах off-shore 52
Памяти Джинджер Роджерс 54
Речений истинных высокое зерцало[82] 56
Как наговорить плохих слов в момент 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Умберто Эко
Картонки Минервы (сборник)

© RCS Libri S.p.A. – Milano, Bompiani, 1999, 2006
© М. Визель, перевод на русский язык, 2009, 2015
© А. Миролюбова, перевод на русский язык, 2008, 2015
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
© ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

* * *

Предисловие

Рубрика «Картонки Минервы» с марта 1985 года появлялась в журнале «Эспрессо» еженедельно, а с марта 1988 года – раз в две недели. Некоторые «картонки», представляющие собой сатиру на современные нравы, были в 1992 году отобраны для книги «Второй мини-дневник», однако и среди исключенных, как мне кажется, есть достойные опубликования. Таким образом, задумав выборку, которая охватывала бы последнее десятилетие, я вынужден был пересмотреть около пятисот «картонок». Понятно, что около двух третей пришлось исключить.

Прежде всего были отсеяны «картонки», настолько связанные с каким-то событием, на которое я намекал в эллиптической форме, что я сам, перечитывая их через несколько лет, не мог понять, о чем идет речь. Такая тактика могла бы исключить все мои выступления на злободневные темы, но, если темы мне казались действительно важными, я брал обширные статьи из других источников, например из книги «Пять эссе на темы этики» (издательство «Бомпиани», 1997). В двух случаях я решил поместить статьи, для которых формат «картонок» оказался недостаточным и которые я опубликовал в других местах: этим объясняется появление в данном сборнике статьи, посвященной делу Софри («Микромега» 3, 1997), и статьи, напечатанной в «Репубблике» во время войны в Косово.

Также я вынужден был исключить многие «картонки», посвященные памяти ушедших друзей и учителей. Их оказалось слишком много для одного десятилетия по той простой причине, что все люди смертны. Меня утешает тот факт, что этих людей помнят и будут помнить долго, независимо от моих прочувствованных некрологов.

Еще я выкинул все «картонки» (а они нравились читателям, судя по огромному количеству откликов, которые я получал), посвященные так называемым «забавам». Но многие из них я опубликовал во «Втором мини-дневнике», к тому же игры такого типа (весьма познавательные, поскольку вызвали к жизни целую школу соревнующихся между собой подражателей) уже появились в сети, на сайте Golem (www.ivistagolem.com).

Некоторые «Картонки» я не включил, сочтя их лишними, в том смысле, что год за годом я возвращался к какой-нибудь одной теме. Пару раз я слил воедино две «картонки», освещавшие одну и ту же проблему с двух сторон. И все же я пощадил несколько «скукотищ», поскольку в иных случаях возвращение к одной и той же теме означает, что данные явления или полемики раз за разом возникают в итальянских средствах массовой информации. В подобных случаях навязчивое повторение – вина не моя, а общества. Например, если каждый новый сезон вновь разгорается дискуссия о будущем книги, чувствуешь своим долгом утешить страждущие души, поскольку они никак не хотят утешиться сами, даже в свете совершенно очевидной истины.

В каких-то местах я подправил стиль, потому что «картонка» – еженедельная рубрика, а спешка ведет за собой небрежности без числа. Я устранил вступления, вводные слова и заключительные фразы, которые при повторном прочтении мне показались ненужными, и, наоборот, ввел краткие пояснения. Дело в том, что объем «картонок» предписан еженедельником, поскольку они должны заполнить последнюю страницу: если текст слишком длинный, его сокращают; если слишком короткий, к нему обязательно нужно что-нибудь добавить. Таковы условия журналистской работы. И все же должен сказать, что, сочиняя «картонки», я приобрел ценный опыт: попытаться выразить свои мысли в определенном количестве знаков – упражнение, которое я посоветовал бы любому.

Вы увидите, что во многих «картонках» речь идет не о современности. Может быть, стоит повторить то, что я уже говорил в самой первой «картонке» серии. Название рубрики связано с прямоугольными кусочками картона, к которым крепятся спички «Минерва», а еще

с тем, что на обороте этих картонок часто записывают адреса, список покупок или (как это делаю я) стенографические заметки о том, что приходит в голову в поезде, в баре, в ресторане; когда читаешь газету, смотришь на витрину, роешься на полках в книжном магазине. И я установил с самого начала, что если каким-то вечером, по причинам, которые никого не касаются, я вдруг пустился в размышления о Гомере, значит, о нем я и напишу, хотя бы его имя и не появлялось в эти дни на первых полосах газет. Как видите, я частенько так поступал, хотя и не всегда писал о Гомере.

Другое правило, которому я следовал в этой рубрике, – то, что не стоит труда писать целую статью, доказывая, что нехорошо убивать свою маму, поскольку все и так согласны, что такое поведение неправомочно. Такая статья была бы довольно демагогическим излиянием прекрасных чувств. Возможно, следует что-то написать, когда слишком многие считают, что того, кто убил свою маму, тоже нужно убить, с полного одобрения государства. Я не написал ни одной «картонки» о растлении малолетних или о скверном обыкновении бросать камни с виадука еще и потому, что предвидел: в данном номере еженедельника эти прискорбные явления будут с достаточной полнотой освещены и подвергнутся справедливому осуждению. Но когда в разных странах устраивались многолюдные марши против педофилов, мне казалось полезным прокомментировать именно это явление.

Вы увидите, что эти «картонки», несмотря на шутливый тон, почти всегда писались в порыве раздражения. Очень редко в них говорится о том, что мне нравится, и гораздо чаще – о том, что не нравится. Но в мире слишком много скверных вещей, достойных осуждения, и найдутся люди, которые тут же обвинят меня в том, что я умолчал о многом из того, что получило широкую огласку. Прошу прощения: в тот момент я отвлекся на что-то другое.

Милан,
5 января 2000

Темная сторона галактики
О расизме, войне и политкорректности

О миграциях

В прошлый вторник, пока все газеты публиковали бесчисленные статьи о волнениях во Флоренции, устроенных выходцами из Северной Африки, в «Репубблике» появилась карикатура: два силуэта, которые изображали огромную Африку, нависающую над маленькой Италией, а рядом – Флоренция, слишком миниатюрная даже для того, чтобы отметить ее крохотной точкой (и под ней подпись: «Где полиция нужнее всего»). В это же время в «Коррьере дела сера» была представлена история климатических изменений на нашей планете, начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры вплоть до наших дней. И из этой подборки становилось понятно, как благоприятные или неблагоприятные условия жизни на том или ином континенте постепенно приводят к миграции – масштабным переселениям народов, которые изменили лицо планеты и создали те цивилизации, о коих мы сейчас знаем из истории или благодаря собственному опыту.

Сегодня, говоря об острой для всех стран Евросоюза проблеме так называемых «внесоюзных лиц»[1] (изящный эвфемизм, который, как уже не раз подмечалось, можно также применять к швейцарским граж данам и к техасским туристам), мы по-прежнему считаем, что речь идет именно об иммиграции. Действительно, когда несколько сотен тысяч граждан какой-то перенаселенной страны хотят перебраться на жительство в другую страну (например, итальянцы – в Австралию), это иммиграция. И вполне естественно, что принимающая страна вправе регулировать поток иммигрантов в соответствии со своими возможностями их ассимиляции. Это подразумевает также право арестовывать и высылать из страны иммигрантов-правонарушителей – точно так же, как и своих собственных граждан, если они совершают преступления, или богатых туристов, если они везут контрабанду.

Но сегодня в Европе мы имеем дело не с иммиграцией. Мы наблюдаем феномен *миграции.* Разумеется, она лишена стремительности и жестокости вторжения германских племен в Италию, Францию и Испанию, ярости арабской экспансии после Хиджры[2] и неторопливости неисчислимых людских потоков, когда загадочные народы из Азии перебирались в Океанию и, возможно, в обе Америки через исчезнувшие ныне сухопутные перешейки. Но это другая глава истории планеты, которая видела цивилизации, образовавшиеся и исчезнувшие на гребнях великих миграционных волн. Сначала – с Запада на Восток (но мы об этой волне очень мало знаем), потом с Востока на Запад, начиная тысячелетнее движение от истоков Инда к Геркулесовым столбам[3] и потом, через четыре столетия, – от Геркулесовых столбов в Калифорнию и к Огненной Земле.

Нынче миграция не так заметна, потому что принимает обличье авиапутешествия, очереди в отдел регистрации иностранцев в муниципалитете или баржи с беженцами, пробирающимися с бедного и голодного Юга к Северу. Она напоминает иммиграцию, но это

---

[1] «*Внесоюзные лица*» – не принадлежащие к странам Европейского Союза – так в Италии называют иммигрантов. *(Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, прим. перев.)*

[2] *Хиджра* (переселение; *араб.)* – бегство Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Ясриб (Медину) в сентябре 622 г. (датируется по юлианскому календарю), после чего началась активная проповедь мусульманства с последующим объединением вокруг Мухаммеда многочисленных разрозненных племен. С «года Хиджры» ведется мусульманское летосчисление.

[3] *Геркулесовы столбы* – скалы, обрамляющие Гибралтарский пролив.

именно миграция – исторический процесс, значение которого сейчас невозможно оценить. Это не перемещение огромных орд, после которых не растет трава там, где ступали копыта их коней, а переход отдельными незаметными группками, что занимает не столетия и тысячелетия, а десятилетия. И, как во всех великих переселениях, результатами его окажутся этническая встряска территорий, неизбежная смена обычаев, непрекращающееся перемешивание, которое изменит цвет кожи, волос, глаз местных жителей так, что это будет заметно статистически, – подобно тому, как благодаря немногочисленным норманнам на Сицилии укоренились блондины с голубыми глазами.

Великие миграции, по крайней мере в исторические времена, ужасают; поначалу, стремясь остановить миграцию, римские императоры возводили одно *vallum* (укрепление) за другим, посылая вперед легионы для покорения оказавшихся поблизости чужеземцев; потом, придя к согласию, упорядочивали первые законы, распространяя римское гражданство на всех подданных империи; однако с падением римского владычества в конце концов образовались так называемые романо-варварские королевства, которые дали начало нашим европейским странам, языкам, на которых мы сейчас с гордостью говорим, нашим политическим и общественным институтам. Встречая на ломбардской автостраде деревушки, носящие названия Узмате, Бьяндрате, мы даже не отдаем себе отчет в том, что эти окончания – лангобардские. С другой стороны, откуда взялись эти совершенно этрусские улыбки – их до сих пор можно увидеть на стольких лицах в Центральной Италии?

Великие миграции неостановимы. И надо просто приготовиться к жизни на новом витке афроевропейской культуры.

1990

Война, насилие, справедливость

Бывают ли справедливые войны? Дискуссия на эту тему, смущающая умы вот уже две недели[4], осложнена неточностью определений. Точно так же мы могли бы обсуждать, что тяжелее: две параллельные прямые или один квадратный корень. Чтобы понять, в чем суть вопроса, попробую его переформулировать. Будем считать, что насилие – это зло. Но бывают ли случаи, когда насильственные действия оправданны? Понятно, что «оправданны» не значит «хороши и желательны». Биологически отрезать ногу нежелательно, но в случае гангрены это становится оправданно.

Даже убежденные непротивленцы признают, что насилие бывает допустимым; в конце концов, даже Иисус, изгоняя торгующих из храма, повел себя несколько грубо. Не только религии, но и природная этика подсказывает, что, если кто-то покушается на нас, на наших близких или просто на невиновного и беззащитного, вполне естественно отвечать насильственным образом – пока опасность не будет устранена. И поэтому, когда провозглашают, будто сопротивление – это оправданная форма насилия, подразумевается, что, оказавшись лицом к лицу с постоянными репрессиями и невыносимой тиранией, народ имеет право на восстание. Не вызывает также сомнений, что перед лицом агрессии одного диктатора все мировое сообщество также вправе отреагировать насильственным образом.

Проблема возникает со словом «война». Это проблема такого же рода, как и со словом «атом». Им пользовалась греческая философия, и им пользуется современная физика, но в двух разных смыслах: когда-то им обозначали невидимую частичку, а теперь – совокупность элементарных частиц. Тот, кто станет читать Демокрита, применяя термины из ядерной физики, ничего не поймет. И наоборот. Далее: кроме того, что в обоих случаях гибли люди, обнаружится мало общего между Пуническими войнами[5] и Второй мировой войной. А к середине XX века война стала событием, которое по размеру охваченной территории, возможностям управления, вовлеченности народов в других частях света имеет мало общего с наполеоновскими кампаниями. Короче говоря, если в прошлом ответная, оправданная реакция на действия провокатора могла принимать вид открытых боевых действий, то сейчас возможна ситуация, когда боевые действия – это форма насилия, которая не осадит обидчика, а, наоборот, подхлестнет его.

Последние сорок пять лет мы наблюдали другую форму сдерживания предполагаемого противника (я использую обтекаемые термины, потому что они могут относиться и к США, и к СССР) – холодную войну. Ужасная, неправедная, полная скрытых угроз, лишь местами вырывавшихся на поверхность, она исходила из той концепции, что открытая война не даст никакого преимущества «хорошей» стороне. Холодная война стала первым случаем, когда мир осознал, что само понятие «войны» изменилось и что современная война не имеет ничего общего с классическими конфликтами, когда с одной стороны в конце концов оказываются проигравшие, а с другой – победители (не считая таких редких случаев, как Пиррова победа). Если бы меня спросили месяц назад, в какой форме оправданные ответные шаги могли бы заменить открытые боевые действия в случае с Саддамом, – я бы ответил: *холодное* сдерживание, причем очень серьезное, даже жестокое – вплоть до пограничных стычек, и с такой системой контроля (и соответствующей правовой базой), чтобы любой западный торговец, который продаст Саддаму хоть один гвоздь, угодил бы в тюрьму. И за год его оборонительные и наступательные технологии придут в полную негодность. Но что толку думать о вчерашнем дне.

---

[4] Имеются в виду *две недели* с 17 января 1991 года, когда началась «Война в заливе».

[5] *Пунические войны* – три войны (264–146 до н. э.) между Римом и Карфагеном.

Однако же мысли о завтрашнем дне и просто повседневные размышления подсказывают нам: если кто-то нападает на тебя с ножом, ты имеешь полное право ответить ударом кулака. Но если ты Супермен и знаешь, что твоя затрещина швырнет противника на Луну, и тогда наш спутник сойдет со своей орбиты, что нарушит гравитационное равновесие: Марс врежется в Меркурий и так далее, – задумайся на мгновение. И еще подумай и о том, что, возможно, гибель Солнечной системы – как раз то, чего добивался твой противник. А ты ему не должен это позволить.

1991

Изгнание, Рушди, глобальная деревня

Не знаю, существуют ли исследования по социальной истории преследуемых людей. Не преследования и нетерпимости как таковых – такие уже есть (как, например, неплохая книга Итало Мереу[6]), а разбор роли и участи преследуемого в глазах общества. Не того, кто умер под ударами преследователей, а того, кто сумел ускользнуть, выбрав жизнь в изгнании.

В прошлом истории изгнания, как правило, были полны горестей и унижений. Ведь даже Данте, один из тех, к кому, в конце концов, неплохо относились за пределами родной Флоренции, тем не менее познал, «как горестен устам чужой ломоть»[7]. Такие личности, как Джордано Бруно, прежде чем их схватили враги, пользовались огромным уважением на чужбине, но всегда находились люди, готовые возвести на них хулы и подстроить ловушку. Не говоря уж о Мадзини[8], который, и без того склонный к меланхолии, в эмиграции всегда мрачнел еще больше.

В XX веке судьба изгнанника начала меняться к лучшему. С одной стороны, он стал приобретать мрачное, бунтарское очарование проклятого поэта, порочного эстета. Вплоть до конца XIX века к таким персонажам относились плохо, вытесняя их на мансарды и обрекая на чахотку, однако в следующем столетии они оказались ценным товаром: их стали принимать в приличных домах и в культурных институциях, приглашать на званые ужины, устраивать для них круизы и конгрессы, цель которых – исследовать закономерности бунтарства. С другой стороны, развитие демократии привело к тому, что все стали поддерживать изгнанников и оказывать им знаки внимания – этим живым символам борьбы с деспотизмом. И так вышло, что в XX веке положение тех, кто бежал по религиозным или политическим убеждениям, стало в конце концов если не приятным (оставим в стороне приступы ностальгии по далекой родине), то, во всяком случае, сносным. А кое для кого весьма выгодным – изображая преследуемого, даже не будучи им, можно было рассчитывать на материальную помощь от какой-нибудь спецслужбы.

Начать стоит с бежавших от революции русских великих князей. Хоть им и случалось работать танцовщиками в парижских кабаре, их хорошо принимали, и они пользовались достаточным вниманием дам, которые хотели облагородить свои капиталы. Не будем говорить о кубинцах в Майами (вот где вечный праздник!), достаточно вспомнить, как в 60–80-е годы длилась бесконечная вечеринка политэмигрантов – сначала чехословацких, потом чилийских, потом аргентинских, а позже авторов самиздата и т. д. и т. п. – в соответствии с сезонными приливами энтузиазма (и охлаждения), спровоцированными разнообразными переворотами, революциями, сменами парадигмы.

Все закончилось с делом Рушди. Оно продемонстрировало следующее: благодаря тому, что СМИ могут сейчас же раструбить на весь мир, что Рушди приговорен к смерти и что на этой планете больше не осталось места для изгнанника. Это что-то новое. Не то что мы возвращаемся от позолоченного изгнания, характерного для XX века, к мучительному изгнанию прошлых веков. Просто-напросто больше некуда скрыться. Где бы ты ни был – ты на враждебной территории.

---

[6] *Итало Мереу* (1921–2009) – итальянский философ, автор книги «История нетерпимости в Европе» (*Storia dell'intolleranza in Europa*, 1979).

[7] Данте Алигьери, «Божественная комедия», «Рай», XVII, 58–59, перевод М. Лозинского.

[8] Джузеппе *Мадзини* (1805–1872) – политик, революционер, один из вдохновителей объединения Италии. Провел в эмиграции во Франции и в Великобритании свыше 20 лет.

Можно привести банальное сравнение с необитаемым островом. В мире больше не осталось таких позабытых, не испорченных туризмом мест, куда можно было бы удалиться и спокойно отдохнуть. На самом отдаленном атолле найдутся какие-нибудь организованные «отдыхающие», прибывшие чартерным рейсом. И точно так же, только это уже не столь комично, в любой точке земного шара тебя может поджидать потенциальный убийца. А приказ уничтожить тебя передадут по сотовому телефону или в виде закодированного послания, невинного на первый взгляд, во время телевикторины.

Слова, казавшиеся некогда просто шуткой: «Остановите Землю, я слезу», звучат сейчас отчаянной мольбой, обреченной пропадать втуне. Как раз такую ситуацию Маклюэн называл «глобальной деревней». Но глобальной – не потому, что электронные средства коммуникации дают пользователям возможность полюбить и возжелать то же, что любят и желают их антиподы, отделенные от них тысячами и тысячами километров. Для многих такая стандартизация оказалась источником удовлетворенности и внутреннего покоя. И не потому, что теперь все стали нашими ближними. Глобальной она стала потому, что где угодно может возникнуть лицо врага, который совсем не является твоим ближним, желает совсем не того, чего желаешь ты, и совсем не расположен подставлять тебе вторую щеку, потому что метит прямо в сердце.

И нельзя слезть, нельзя остановить представление. Больше невозможно «уехать в деревню»: она стала настолько глобальной, что даже не получится больше показать врагу пятки, удирая от него по прямой. Об этом быстро сообщат другому, и он двинется тебе навстречу, огибая глобус.

1992

Сколько стоит обрушить империю?

В эти печальные дни, когда я читаю о жестокостях, творящихся на Балканском полуострове[9], я вспоминаю свой разговор с Жаком Ле Гоффом[10] вскоре после падения Берлинской стены[11]. Уже чувствовалось, что советская империя крошится, хотя тогда трудно было предвидеть, как быстро все произойдет (возможно, благодаря глупому путчу в прошлом ав густе).

Ле Гофф начал тогда распределять темы и подбирать участников для серии книг по истории Европы, которые должны были выйти в четырех или пяти европейских издательствах[12], и по этому случаю я предложил ему заказать книгу о цене падения империй. Вероятно, он кому-то это поручил, не знаю кому, но главное тогда было понять – во что обходилось падение империй в прошлом, чтобы прикинуть, какова была цена краха империи советской. Теперь, я думаю, пришло время не прикидок, а прямых сравнений.

Империя – всегда вещь стягивающая и ограничивающая: это как крышка, прижатая к бурлящему котлу. В какой-то момент внутреннее давление становится слишком большим, крышка слетает, и происходит что-то вроде извержения вулкана. Я не хочу сказать, что, если бы крышка не слетела, было бы лучше; но ведь обычно она слетает по термодинамическим законам, а в физике нет ничего нравственного или безнравственного. Я говорю только, что, пока она не соскочила, соблюдается порядок, а когда это произошло – приходится платить: все имеет свою цену.

Падение Римской империи породило кризис в Европе, который продолжался, по крайней мере, шесть веков. В сущности, влияние этого долгого падения было заметно и в последующие века, и, возможно, то, что происходит сейчас на Балканах (православный Восток против католического Запада), – это все еще его отголоски. И если сегодня в Колумбии и в Перу происходит то, что происходит, и Латинская Америка не в состоянии поднять голос против Соединенных Штатов, – это всё еще последствия очень медленного распада испанской колониальной империи. Что уж говорить о медленном развале турецко-османской империи – Ближний Восток до сих пор за него расплачивается. Цену разрушения колониальной Британской империи не решусь даже прикинуть, а объединенная Италия возникла в результате падения недолговечной наполеоновской империи.

От вскрытия удивительного австро-венгерского котла родились по меньшей мере нацизм, Вторая мировая война и конфликт на Балканах – в очередной раз. (Но там произошло падение по меньшей мере пяти империй: Римской, Византийской, Османской, Каканской[13] и советской.)

Таким образом, когда обрушивается империя, последствия длятся веками. Что же касается исчезновения советской империи, – нет необходимости указывать на основные результаты этого события: конфликтный (хотя и объяснимый) распад государств во всей Восточной Европе; серьезные проблемы объединенной Германии; драмы армян и грузин; проблем

---

[9] Имеется в виду Боснийская война 1992–1995 гг., острый межэтниче ский конфликт между вооруженными формированиями сербов и мусульмано-хорватской федерации, разгоревшийся на территории Республики Босния и Герцеговина сразу после ее отделения от Югославии и сопровождавшийся массовыми жестокостями в отношении мирного населения с обеих сторон. Общее число убитых составило около 200 000 человек.

[10] *Жак Ле Гофф* (1924–2014) – выдающийся французский историк, принадлежащий к «Школе анналов», автор многочисленных трудов по истории средневековой Европы.

[11] *Падение Берлинской стены* – 9 ноября 1989 года.

[12] Имеется в виду серия «Становление Европы», для которой сам Эко написал книгу «Поиски совершенного языка в европейской культуре».

[13] *Какания* – ироническое название Австро-Венгрии (от официальной австрийской аббревиатуры «*К. и К.*»: kaiserlich und königlich – «кайзеровский и королевский»).

Буша – ведь сплетни о его любовнице Дженнифер[14] появились только потому, что ему больше не нужно было противостоять Империи зла. Если вернуться к итальянским баранам, то и у нас окажется то же самое: кризис социалистической партии, бывших коммунистов, христианских демократов, прекращение действия пакта о ненападении между правительством и мафией[15] (пакт заключен после высадки союзных войск на Сицилии) – и новые сотрясения воздуха во всем мире по поводу того, что мафия не может больше жить спокойно, пользуясь поддержкой властей, которые ранее оправдывались борьбой с коммунизмом. Словом, все то, что происходит в нашей злосчастной стране, связано с падением советской империи в такой же степени, как и затруднения начинающего политика Гавела[16]. Даже в «Северной лиге»[17] падение советской империи аукается в равной степени и в хорватских усташах, и в сербском геноциде, и в отделении Словакии.

Цену падения империи стоит знать не для того, чтобы умалить значение этого события. А для того, чтобы предвидеть будущие несчастья. История не повторяется всегда одинаково, и даже нельзя сказать, что в первый раз она повторяется как трагедия, а во второй – как фарс. История всегда разворачивается как трагедия, в разных ее проявлениях. Но существуют определенные законы, определенные принципы действия-противодействия. Историография, основы ваясь на этих принципах, все еще остается magistra vitae[18] – в самом научном, а совсем не в риторическом смысле.

1992

---

[14] Речь идет о многолетней помощнице Джорджа Буша-старшего, дипломате Дженнифер Фитцджеральд (р. 1932). Их любовная связь тянулась якобы с середины 70-х годов (оба это категорически отрицали), вызывая как неурядицы в семье Буша, так и резкую критику его сотрудников, недовольных возросшим влиянием рядовой сотрудницы. Впервые об этой связи было упомянуто в 1992 г. в журнале «Spy».

[15] 17 февраля 1992 г. арестом президента уважаемой благотворительной организации было положено начало широкомасштабной кампании по искоренению коррупции и мафиозных связей в высших эшелонах власти.

[16] Единодушно избранный президентом Чехословакии решением Федеральной ассамблеи в декабре 1989 г., Вацлав *Гавел* не смог получить вотум доверия в парламенте 2 июля 1992 г. (против него проголосовали словацкие депутаты) и 20 июля того же года был вынужден подать в отставку после того, как Словакия объявила о своей независимости.

[17] «*Северная лига*» (Lega Nord) – сепаратистское движение в Италии, ратующее за отделение «индустриально развитого» Севера от «отсталого» Юга и создание «Республики Падании» со столицей в Милане (см. колонку «Хроники 2090 года»). Создана «Северная лига» в 1991-м, в 1992-м прошла в парламент.

[18] Учительницей жизни *(лат.)*.

Повешенье в прямом эфире, за ужином

Мне очень жаль, что компетентные органы не дали разрешения на трансляцию последней в США казни через повешенье по телевидению. Более того: приговоренного следовало казнить в восемь вечера по времени Восточного побережья, чтобы в Нью-Йорке можно было смотреть прямо за ужином, на Среднем Западе (где садятся за стол очень рано) – после ужина, устроившись с пивом у телевизора, а в Калифорнии – посасывая «дайкири» на бортике бассейна. Для нас, поскольку здесь будет уже глубокая ночь, следовало бы повторить этот сюжет в выпуске новостей на следующий вечер.

Очень важно, чтобы зрители сидели за столом: треск ломающейся шеи, шумы в брюшной полости и непродолжительное сучение ногами должны хорошо сочетаться с глотательными движениями (зрителей, я имею в виду). Электрический стул следует настроить таким образом, чтобы осужденный пошкворчал хоть несколько секунд, – может статься, это совпадет со шкворчанием яичницы на кухне. В случае с газом спектакль гарантирован: осужденному говорят медленно и глубоко вдохнуть, что уже само по себе очень телегенично; потом – хрипы. Инъекция менее желательна, теряется вся прелесть прямого телеэфира, она больше подходит для радио.

Я понимаю, что мое предложение не вызовет энтузиазма, особенно сейчас, когда итальянский «Дисней» потребовал от своих сценаристов выбросить реплику дядюшки Скруджа, будто он хочет задушить Дональда Дакка, ибо она может восприниматься как призыв к насилию. Ужасно, что в погоне за кассой снимаются фильмы, где персонажей расстреливают из автоматов в астрономических количествах, так что мозг разлетается на куски, а кровь льется ручьем. Но необходимо делать различие между вымыслом, способным смутить невинных (или спровоцировать неправильное поведение слабых духом), и теленовостями.

В отношении смертной казни весь мир разделился на две категории: тех, кто ее осуждает (как я), и тех, кто признаёт ее необходимость. Те, кто осуждает, могут не включать телевизор, раз уж чувствуют слабость в желудке, когда видят на экране смертную казнь. Но им следует, по крайней мере, разделить каким-то образом общую скорбь. Если в этот час убивают человека, всем надо как-то выразить свое участие – или просто молитвой, или чтением вслух Паскаля в кругу семьи. Следует понимать, что в этот вечер творится бесчестье. Наблюдающие за этим варварством будут чувствовать себя в каком-то смысле более вовлеченными в его осуждение, а не просто ограничиваться заявлениями своего несогласия, – подобно тому, как вид на экране истощенного африканского ребенка доводит проблему голода в Африке до всеобщего сведения. Однако есть и те, кто поддерживает высшую меру. Они тоже должны смотреть. Предвижу возражения: я могу считать, что оперировать аппендицит – это хорошо, но, пожалуйста, увольте меня от этого зрелища во время ужина. Ведь смертная казнь – это другой вопрос, это не операция, с которой все согласны. Это вопрос смысла, ценности человеческой жизни, вопрос справедливости. Так что не надо пускаться в рассуждения. Если ты лично за смертную казнь, то должен быть готовым увидеть осужденного, который сучит ногами, отрыгивает, пускает пену, хрипит, кашляет и отдает Богу душу. В прошлом люди были честнее: они покупали билеты на экзекуцию и радовались как сумасшедшие. Вот и ты, готовый отстаивать высшую справедливость смертной казни, должен «радоваться»: закусывая, выпивая, делая все, что в голову придет, – но ты не можешь делать вид, что ее не существует, раз уж поддерживаешь ее легитимность.

Мне скажут: «А как же насчет права на аборт?» Ну и что? Новый катехизис допускает, что то или иное государство может узаконить смертную казнь. Он также говорит, что не сле-

дует делать аборты, то есть их не следует делать преднамеренно. Если же выкидыш произойдет от зрелища, как кто-то дрыгает ногами в пустоте, – это не грех.

1993

New York, New York, what a beautiful town!

Есть множество зарубежных городов, которые я очень люблю и в которые всегда рад возвращаться: например, Барселона или Амстердам. Но когда меня спрашивают, в каком я мог бы жить – то есть жить всегда, сделать его своим домом, – мой выбор всегда колеблется между Парижем и Нью-Йорком. Не только потому, что речь идет о двух прекрасных городах, но, чтобы решить: «Я умру в этом городе», надо быть уверенным, что тебя в нем никогда не будет мучить ностальгия. Так вот, в этих двух городах никакая ностальгия невозможна. О чем грустить, если всё здесь? Ты чувствуешь себя в центре мира, даже если сидишь взаперти. А если выходишь, тебе не нужно никакой цели: шагаешь, шагаешь и все время видишь что-то новое.

«New York, New York, what a beautiful town, – поется в песенке, – The Bronx is up and the Battery is down»[19]. Нью-Йорк грязен, неорганизован; здесь никогда нельзя быть уверенным, существует ли еще ресторанчик, который тебе приглянулся на прошлой неделе, потому что за это время могли снести дом или весь квартал; тебя могут неожиданно пырнуть ножом (но не на каждом перекрестке; что хорошо в Нью-Йорке – так это то, что здесь, по крайней мере, известны улицы, где тебя вряд ли пырнут). Небо тут упоительно голубое, ветер бодрит, небоскребы блистают ослепительнее и благороднее Парфенона, и какое бы сооружение ни поместить в эту рамку – оно покажется прекрасным. Уже говорилось неоднократно, что жизнь здесь напоминает джемсейшн. Импровизация и спонтанность порождают порядок и гармонию. Даже ужасное в Нью-Йорке восхитительно. Что же говорить о прекрасном!

Если хорошо знаешь город, то понимаешь: сворачивая за угол, ты всякий раз попадаешь в другой мир. Там были одни корейцы, а тут – одни поляки, сначала торгуют только часами, а после – только цветами. В какой-то момент улица окажется полна евреев-ортодоксов в черных шляпах, с бородой и пейсами, а две минуты спустя эта кипящая толпа шагаловских персонажей полностью исчезает, но если ты знаешь правильные Delicatessen[20] – они все окажутся там. Еще десять минут прогулки – и ты на краю Центрального парка, где ребята из Джульярдской музыкальной школы устроили концерт барочной музыки. Пройдешь еще немного – и можешь рыться в развалах старых книг, спустишься на две ступеньки – и можешь покормить белочек на берегу озерца, окруженного небоскребами в форме луарских замков. Это город насилия – и это город терпимости. Он собирает всех, некоторых бросает умирать, других делает счастливыми, не лезет в частную жизнь ни тех, ни других. Поэтому он идеален для миллионера, но и для бродяги тоже. Однажды был проделан такой эксперимент: человека с ног до головы обрядили в средневековые доспехи и оставили в телефонной будке. Через десять минут кто-то нетерпеливо застучал по стеклу – но лишь потому, что воин слишком долго занимал телефон; что же до остального, то он мог вырядиться так или эдак, это никого не касалось. Его личное дело. Нью-Йорк – полихромный город: в нем встречаются все цвета. В общем, Нью-Йорк – это чудо. Или, точнее, был им. Я не могу сказать, что больше никогда сюда не вернусь, ибо меня часто призывают сюда неотменяемые профессиональные обязанности, но, определенно, я буду стараться возвращаться сюда как можно реже: в штате Нью-Йорк восстановили смертную казнь.

---

[19] «Нью-Йорк, Нью-Йорк, какой прекрасный город… с одного конца Бронкс, а с другого – Бэттери» *(англ.)*. – Песня из мюзикла «On The Town» («Увольнение на берег»), музыка Леонарда Бернстайна, слова Бетти Комден и Адольфа Грина; впервые поставлен на Бродвее в 1944 г., экранизирован в 1949-м.

[20] *Delicatessen* – недорогая закусочная. Первые забегаловки такого типа открывали евреи-эмигранты в начале XX в., откуда и взялось их немецко-идишское название (которое обычно сокращают просто до Deli).

Как можно жить в городе, где для того, чтобы объяснить, что убивать нельзя, – убивают? Где, чтобы отвратить кого-нибудь от мысли воткнуть мне нож в живот, меня подвергают риску, а непредвиденная судебная ошибка позволит сделать мне смертельную инъекцию в руку или еще куда-нибудь? Как я могу еще считать жизнелюбивым город, которому предстоит жить в тени узаконенной смерти? Видеть в каждом встречном потенциальный труп да еще и знать, что большинство из них счастливы до безумия от такой перспективы, потому что они голосовали за тех, кто не остановился перед убийством.

Нью-Йорк – город, так щедро одаренный чувством свободы, что, возможно, что-нибудь и изменится. Хотя он свыкся уже с запахом своих живописных мешков мусора, которые не убираются, он отреагирует на этот смертельный тлен и не смирится с тем, что лик статуи Свободы выглядит как погребальная маска. Но пока что дело обстоит именно так[21].

Какая жалость. «New York, New York, what a terrible town! The Bronx, The Park and the Battery are down!»[22]

1995

[21] Смертная казнь в США была отменена в 1976 г. и восстановлена в штате Нью-Йорк в 1995-м. Но в 2004-м Апелляционный суд штата признал ее неконституционной и приостановил ее исполнение. С того времени вокруг возможности применения смертной казни (формально не отмененной) идет ожесточенная юридическая борьба. Впрочем, с момента ее формального восстановления реально смертная казнь в штате ни разу применена не была.

[22] «Нью-Йорк, Нью-Йорк, что за жуткий город: Бронкс, Центральный парк и Бэттери погибли» *(англ.)*.

Синагога Сатаны и «Протоколы Сионских мудрецов»

Я искренне восхищаюсь кардиналом Паппалардо[23], его справедливой, благородной, страстной борьбой. Я считаю, что когда он, обличая преступников, употребил выражение «синагога Сатаны», то в виду имелось расхожее выражение с совершенно определенным риторическим смыслом. И все же осталась некоторая неловкость, и вполне естественно, что итальянская еврейская община почувствовала обиду.

Почему на ум приходит непременно синагога Сатаны, а не собор Сатаны и не храм беса? Выражение имеет свою историю. Я прочел в газетах, будто бы кто-то сказал, что это выражение происходит из «Протоколов Сионских мудрецов», этой, как известно, Библии антисемитизма и настольной книги Гитлера. Это неверно: в «Протоколах» есть фразы и похуже, но только не такие – речи написаны от лица самих евреев, а значит, ради вящего правдоподобия фальшивки, богоизбранный народ никак не мог связать себя с Сатаной. Разве только русский издатель «Протоколов» Сергей Нилус, комментируя памфлет в 1905 году, говорит, что торжествующий царь Израиля, то есть Антихрист, завоевывает мировое господство, используя «всю мощь, весь ужас Сатаны».

То, что евреи заключили договор с нечистой силой, а значит, и Сатана, и грядущий Антихрист явно отдали бы предпочтение синагоге, – мысль не новая: ее выпестовал традиционный антисемитизм, и она появляется во множестве средневековых текстов. Но формулировка «синагога Сатаны» типична для антисемитизма XIX века.

В 1797 году аббат Баррюэль написал «Мемуары к истории якобинства», где показал, что Французская революция была заговором тамплиеров и масонов, к которому принадлежали Вольтер, Дидро, Тюрго, Кондорсе, д'Аламбер и Гольбах. Евреев Баррюэль не упоминал, но чуть позже некий капитан Симонини поставил ему на вид, что за кулисами стояли именно коварные иудеи, подхватившие традицию Горного Старца[24] (который, кстати сказать, был вообще мусульманин). С этого момента и начинается широкое, в международном масштабе, обсуждение еврейского интернационала как подстрекателя всех революций. В 1868 году прусский реакционер Герман Гедше написал под псевдонимом Джон Ретклифф роман «Биарриц», где изображается, как представители двенадцати колен Израилевых встречаются ночью на кладбище в Праге и сговариваются захватить власть над миром. Чуть позже отрывок из этого повествования появляется как подлинный документ, якобы попавший в руки английского дипломата Джона Рэдклиффа, а в книге Бурнана («Иудеи, наши современники», 1881) подрывная речь приписывается главному раввину Джону Рэдклифу, на этот раз через одно «ф». Фальшивку подхватывает «Ревю дез этюд жуиф», и через длинный ряд подложных документов она наконец ложится в основу так называемых «Протоколов».

В католическом лагере эта идея несколько раз появляется в работах Гугено де Муссо[25], особенно в книге «Евреи, иудаизм и иудаизация христианских народов» (1869), и автор получает особое благословение Пия IX. А термин, о котором мы говорим, вошел в обиход после появления в 1893 году книги «Франкмасонство – синагога Сатаны», которую написал монсиньор Мёрин, иезуит, архиепископ Порт-Луи на Маврикии. В обширном, более пятисот страниц, труде прелат ударяется в углубленный анализ еврейской каббалы, связывает ее с традицией гностиков и манихеев, с тамплиерами и наконец с рождением масонства, которое якобы

---

[23] *Кардинал* Сальваторе *Паппалардо* (1918–2007) – архиепископ Палермо, выступавший против мафии.

[24] *Горный Старец* – глава раннесредневековой мусульманской секты хашишинов (асассинов), часто называемых террористами Средневековья.

[25] Роже *Гугено де Муссо* (1805–1878) – французский журналист и писатель.

тоже выдумали евреи. Он долго рассказывает о том, как Сатана являлся в ложи; показывает тесную связь между масонскими ступенями и еврейской мистикой.

То, как эта тема переходит из немецких и русских реакционных кругов в публицистику французских и итальянских иезуитов и к французским крайне правым кругам, опираясь на один и тот же весьма ограниченный набор апокрифов, детально воссоздано в книге, которую всем нам следовало бы прочесть: «Лицензия на геноцид» Нормана Кона[26]. Кон, разумеется, разоблачает блеф, но другие авторы используют те же самые элементы для воссоздания мифа. Большой популярностью пользовалась изданная в 1924 году книга некой Несты Уэбстер «Тайные общества и подрывные движения», где свалены в одну кучу масонство, социализм, большевизм и еврейская угроза (тем же приемом пользовалась и нацистская пропаганда).

И наконец, выражение «синагога Сатаны» широко применялось в католических легитимистских кругах XIX века и даже одушевляло романтическую, народническую тенденцию (вспомним отца Брешиани[27]), плоды которой пылятся в библиотеках епископских семинарий. Это – готовая фраза, за ней тянется запашок ее происхождения, даже если ее и употребляют в страстной проповеди, имея самые благие намерения.

1992

[26] *Норман Кон* (1915–2007) – английский историк и писатель.

[27] Антонио *Брешиани* (1798–1862) – итальянский литератор, иезуит. Его стиль считается образцом церковной риторики того времени.

Снова о синагоге Сатаны

Профессор Пьетро де Лео, которым я особенно восхищаюсь за его прекрасное исследование о средневековых фальшивках, пишет в «Эспрессо», что в моей последней «картонке» о синагоге Сатаны я приписал это выражение реакционной публицистике XIX века или, по крайней мере, связал его с полемиками между Отцами Церкви и средневековыми теологами, в то время как оно происходит из Откровения св. Иоанна (2:9). Верно. Однако в тот момент, когда я писал, все газеты ссылались на Откровение как на очевидный источник. Потом кто-то вспомнил, что фразу использовали в «Протоколах Сионских мудрецов», и я включился в дискуссию с этого места. Кроме того, мне казалось тогда и кажется сейчас, что для кардинала было бы более лестно, если бы мы сочли, будто эта фраза застряла у него в голове как штамп старой церковной риторики, а не как цитата из Нового Завета.

Де Лео, однако же, полагает, что, поскольку в греческом языке, на котором писал Иоанн, слово «синагога» означало стечение людей или тайное сборище, «во время богослужения нельзя было точнее поименовать мафию, не нарушив при этом благочиния». Я вовсе не думаю, что, приписав кардиналу эту прямую цитату, мы окажем ему добрую услугу. Отрывок из Иоанна звучит так: «…знаю твои дела, и скорбь, и нищету… и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское». Пьетро Россано (переводчик Священного Писания на итальянский язык) объясняет, что те, которые говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, именно и есть евреи, ибо Иоанн считает истинными израильтянами только христиан. Вот почему этот отрывок из Откровения прочитывается в русле антииудаистской полемики.

Разумеется, Иоанн, который, между прочим, тоже был иудеем, имел полное право полемизировать со своими бывшими единоверцами, не признавшими Мессию. В конечном итоге он хотел сказать, что Ветхий Завет пресуществляется только в Новом, и все христианство основано на этом утверждении. Если ты христианин, то обязан думать так, и мир всему миру. Николай Кузанский, который так горячо желал слияния вер, однажды пообещал евреям, что если они признают свою ошибку, то Церковь за это велит всем христианам обрезаться. Это – прекрасное, исполненное страсти обращение, в нем горит священный огонь борьбы за примирение вер, и, если отвлечься от организационно-экологической проблемы: куда девать крайнюю плоть в таких космических количествах – шутка ли, сотни миллионов мужчин, – идея Кузанского представляет собой великолепный образец попытки срастить две ветви, имеющие общий корень.

Но, сколь бы ни были чисты намерения Иоанна, мы знаем, что данное расхождение насчет Иисуса как истинного Мессии превратилось с течением веков в этнический предрассудок и (нелишне будет вспомнить) в практику преследования. Этому способствовали апокрифические Откровения, где говорится, что Антихрист родится среди иудеев (Псевдо-Ипполит). Из многих подобных милленаристских текстов, где описываются чудовищные черты Антихриста, и берет начало антисемитская иконография, которую мы затем обнаружим в нацистских манифестах.

К сожалению, значение слов изменяется с течением времени. «Имбецил» первоначально значило «слабый, без посоха» (хотя Девото и ставит под сомнение данную этимологию), и в таком смысле это слово употребляли еще Данте и Чекко д'Асколи[28]. Но если кто-то сегодня обзовет имбецилом почтенного господина, который ходит с трудом, то он по всей справедливости получит повестку в суд. Ведь общеизвестно, гласит этимологический сло-

[28] *Чекко д'Асколи*, он же Франческо Стабили (1269–1327) – современник и друг Данте, автор поэмы «Горечь жизни», в которой он полемизировал с концепцией «Божественной комедии»; за свою поэму был сожжен на костре.

варь Кортеладзо-Дзолли, что это слово окончательно приобрело пренебрежительный оттенок с тех пор, как Эскироль[29] стал употреблять его в качестве психиатрического термина.

То же самое случилось и с «синагогой»: пускай этимологически это слово значит собрание и стечение людей, а метафорически – тайное сборище; очень быстро оно приобретает совершенно конкретный смысл, а именно еврейский храм; по метонимии распространяется на иудаизм вообще, а под влиянием народного антисемитизма указывает на «смятение, сутолоку, шум и гам» (смотри «Универсальный словарь итальянской лексики» Девото Оли, Дзингарелли и т. д.).

А раз дело обстоит так, было неизбежно, что в полемиках, какие устраивала реакционная публицистика XIX века (и далее), это слово еще более обросло негативными коннотациями, и мне показалось небесполезным проследить исторический путь «синагоги Сатаны» вплоть до нашего века. Увы, слова означают то, что вложила в них история, иначе готическими были бы только готы, а не Миланский собор.

Разве что мы уговоримся понимать под «синагогой» род ракообразных (я только сейчас вычитал это в словаре). Тогда евреи умолкнут. Но мафия-то тут при чем?

1992

[29] Жан-Этьен-Доменик *Эскироль* (1772–1840) – французский психиатр.

Тело и душа

Недавно меня попросили дать определение того, что значит для меня Нетерпимость, и я задумался об ответе, который был бы приемлемым для человека любой идеологии и вероисповедания. Поэтому я ограничился пределами тела (своего, разумеется, но и прежде всего чужого). Мы говорим, слушаем, ходим, едим и пьем, стоим или лежим, отправляем свои нужды, соединяемся для удовольствия и по собственному выбору с другими телами, спим. Мешать кому-нибудь спать, подвешивать его головой вниз, заставлять жить среди собственных испражнений, не давать ему говорить или слушать, что говорят другие, истязать, убивать – это плохо. Думаю, что эта элементарная база универсальной этики одинаково приемлема и для атеиста, и для верующего.

Чезаре Каваллери[30] посвятил этому моему заявлению две статьи (в «Эко ди Бергамо»[31] и «Аввенире»), сокрушаясь, что я толкую о теле, а не о душе, демонстрируя таким образом свою «мирскую» сущность (что один польский священник считал некогда просто неприличным). Каваллери игнорирует, что для ангелического доктора из Аквино[32] способности души (nobis ignotae[33]) выражаются у нас, простых смертных, только verbo et facto[34]; и, таким образом, уважать свободу других говорить, слушать и выбирать обозначает также – уважать в той же мере свое собственное достоинство.

Но что больше всего поражает в Каваллери (и что некоторым, сколь бы это ни было невероятно, кажется проявлением истинного христианства) – это то, как он нанизывает, словно на шампур, утверждения, сочетающие глупость, ересь и богохульство, которые просто не могут не прогневить Бога. Глупость – это то, что моя высокая оценка тела для него не что иное, как «пережевывание гностицизма»; это от гностиков, считает наш мыслитель, идет моя идея о том, что биологические законы тела есть источник законов моральных. Каваллери, конечно, не обязан знать, что основной чертой гностицизма было умаление плоти и материи (в то время как добрые христиане веруют в воскресение плоти). Ладно, никто не совершенен (в том числе и гностики), правда, лучше бы Каваллери справился в энциклопедии «Гардзанти», прежде чем писать о чем он не знает. С другой стороны, его идея о соотношении души и тела, как это ни курьезно, имеет психосоматическое происхождение: он сам признает, что мои софизмы вызывают у него аллергию.

Обратимся к ереси: я нахожу воистину гностическим это нежелание считать тело божественным даром, этот страх, что законы биологии могут оказаться источником законов моральных. Приглашаю Каваллери подумать хорошенько еще раз над некоторыми из десяти заповедей. Откуда, спрашиваю я себя, родились запреты убивать, красть, предаваться порокам и лжесвидетельствовать? А еще есть запрет возжелать жену ближнего своего – и здесь начинается самое мерзкое из того, что написал Каваллери.

В то время как я открыто пишу, что изнасилование тоже представляет собой насилие над телом (и над свободой) другого, Каваллери комментирует: «Разве в изнасиловании не уважается тело другого? Тело может даже испытывать удовольствие, это душе наносится оскорбление». Здесь одно из трех: или Каваллери никогда не насиловали и мама не рассказала ему, что случается при этих обстоятельствах (кое-что похуже аллергии!); или он смот-

---

[30] *Чезаре Каваллери* (р. 1936) – главный редактор (с 1965 г. по сей день) ежемесячного журнала «Католическая учеба» («Studi Cattolici»), тесно сотрудничающий с организацией «Opus Dei».

[31] *«Эко ди Бергамо»* («Бергамское эхо»; *ит.*) – бергамская газета; никакой связи с фамилией Эко здесь нет.

[32] *Доктор из Аквино* – имеется в виду Фома Аквинский.

[33] Нам неизвестные *(лат.)*.

[34] В словах и делах *(лат.)*.

рит только с точки зрения насильника, испытывающего удовольствие, и отождествляет себя только с ним, а не с изнасилованным; или, поскольку «изнасилованный» – это обычно «изнасилованная», он признает, что все женщины – шлюхи, что все изнасилованные в глубине души сами того хотели и этому радовались: потом достаточно исповедаться (им!), и аминь, уязвленная душа спасена.

Далее Каваллери (не будем уж говорить о том, что думающие подобным образом отправятся прямехонько в ад, потому что ад создается до сих пор – и как раз из подобных фантазий, порожденных ущербной злостью) цитирует несколько пассажей из «Veritatis Splendor»[35], в которых говорится о цельности человеческой личности и предостерегается, что эта цельность не должна сводиться к обычной биологической «норме». Но вместо того чтобы понимать этот призыв в его прямом смысле, т. е. что не нужно основывать этику на одних только наших телесных позывах и удовольствиях, он приводит закавыченную папскую цитату, показывая этим, что ничего он не понял: «Источником и обоснованием безусловного уважения человеческой жизни является достоинство человеческой личности, а не только естественное стремление сохранить собственную физическую жизнь». Тут-то становится ясно, что Каваллери прочитал все мои утверждения так, будто я хотел основать этику на моем эгоистическом праве говорить, мочиться, заниматься любовью (это право чего-то да стоит). Но я говорил о теле Другого – о том, которому Иисус заповедал не возвращать пощечину, возлюбить его и уважать его так же и (возможно) больше себя самого!

Об этой идее Каваллери даже не подозревает.

1993

[35] *«Veritatis Splendor»* («Сияние истины»; *лат.)* – энциклика Иоанна Павла II от 6 августа 1993 г., посвященная нравственным проблемам современного мира и роли в нем Католической церкви.

Политкорректность или нетерпимость?

В одной из предыдущих «картонок» я говорил, что *политкорректность*, появившаяся в Америке для того, чтобы защищать права подавляемых меньшинств, чтобы противостоять всякой расовой дискриминации, становится новым фундаментализмом. Любой фундаментализм, основанный на том, что Истина может существовать в одном-единственном виде, а все прочие – отклонения от нее, необязательно нетерпим (так что может даже не производить впечатления фундаментализма), но, безусловно, рискует сделаться таковым, изгоняя из общества тех, кто отклоняется от «генеральной линии».

Один мой друг, профессор американского университета, рассказал о таком случае. Он курит, а поскольку в университетских корпусах это запрещено, в перерыве между лекциями он выходит покурить наружу. Некоторые студенты тоже курят и тоже выходят. Они стоят вместе и болтают минут десять. Между прочим, сам я поступаю точно так же: мои лекции длятся два часа, между ними у меня есть десятиминутный перерыв, я выхожу в сад или на улицу выкурить сигарету и там сталкиваюсь со студентами, подверженными тому же ужасному пороку (который, разумеется, не делает мне чести – но так уж устроен мир).

Так вот, некоторые некурящие студенты нажаловались на моего американского друга декану: по их словам, проводя внеурочное время со студентами-курильщиками, он устанавливает с ними привилегированные отношения в ущерб некурящим студентам. Эти отношения нарушают правило, которое мы могли бы назвать par condicio[36], так что его поведение предосудительно. Как мы видим, речь в данном случае не идет об уважении прав меньшинства, некогда притесненного или потенциально притесняемого, а наоборот, – о защите большинства, или, скорее, беспокойстве, как бы не создать меньшинства, обладающего некоторыми преимуществами.

Нетрудно представить, как подобное беспокойство об уважении может породить ситуацию опасной нетерпимости по отношению к каждому. Например, можно ввести закон, вменяющий мне в обязанность жениться не на той, кого я люблю, а на той, кого мне назначат, – чтобы соблюдать права какого-нибудь национального меньшинства (то есть если десять китаянок уже вышли замуж, я должен жениться на индианке или финке, но не на китаянке, чтобы предоставить равные возможности каждому национальному меньшинству).

Одним из главнейших защитников радикального либерализма (отстаивающего права каждого, – например, того, кто предпочитает добровольно уйти из жизни) является Рональд Дворкин[37], который на прошлой неделе стал почетным доктором права Болонского университета. И свою лекцию он посвятил как раз проблеме академической свободы.

Учреждение университета (кстати, в Средневековье «Университет» значило именно Болонский университет) стало огромным событием, потому что установило необходимость существования образовательной институции, которая не только независима от политических и религиозных властей, но и каждый преподаватель в ней идеологически независим от самого университета. Революционная идея, послужившая прогрессу западной науки.

Но с наступлением политкорректности эта свобода подвергается сомнению. Преподавателю английской литературы предлагается не делать отдельный курс по «Отелло», потому что фигура Мавра, ревнивца и убийцы, может оскорбить незападных студентов. Не говоря уж о «Венецианском купце» – по той очевидной причине, что в этой трагедии Шекспир не свободен от определенного бытового антисемитизма (как бы ни был изумителен Шейлок). Но мало того: прямо-таки нежелательно делать курс по Аристотелю, потому что тем самым

---

[36] Равные условия *(лат.)*.

[37] *Рональд Дворкин* (р. 1931) – американский философ, специалист в области философии права.

выказывается небрежение к философии и мифологии какой-нибудь африканской народности (чьи потомки посещают университет).

Правильно и полезно изучать и Аристотеля, и мифологию догонов[38] – это обсуждению не подлежит. Но, к сожалению, политкорректность наказывает сегодня того, кто преподает Аристотеля, и поощряет того, кто преподает догонские мифы, что является такой же формой фанатизма и фундаментализма, как и та, которая внушает, что Аристотель – это воплощение человеческого разума, а мифы догонов были просто выражением первобытного мышления.

Конечно, университету, как и всей образовательной системе, следует найти место всем точкам зрения (и поэтому я давно убежден, что хорошая школа должна рассказывать, что говорится в Ветхом Завете, что говорят Евангелия, Коран и буддистские веды). Но запрещать кому-либо говорить о Библии (которую он хорошо знает) только потому, что такой дискурс исключает Коран, – это опасная форма нетерпимости, замаскированной под уважение к различным точкам зрения.

1997

[38] *Догоны* – народность в Республике Мали. Тщательно разработанная космогоническая мифология догонов оказалась в XX в. предметом пристального интереса этнографов, а также уфологов и сторонников теории палеоконтактов с внеземными цивилизациями.

Об одном процессе

Ревизионисты, отрицающие Холокост, прибегают к многочисленным аргументам, чтобы дискредитировать каждое имеющееся свидетельство. Сейчас, пока я это пишу, идет обсуждение диссертации по семиотике, посвященной ревизионистской логике, и от соискательницы требуют не высказывать собственных убеждений по поводу реальности Холокоста и уж тем более не выносить суждений относительно «подлинности» документов, предъявляемых одной или другой стороной (это задача историков); диссертация долж на только выявлять логические построения, которые используются ревизионистами при изучении определенных документов или свидетельств[39].

Приведу только два типичных аргумента. Отрицающие Холокост пытаются доказать, что дневники Анны Франк – фальшивка (основываясь на том очевидном факте, что они подвергались редактированию). И одна из основных их «опорных точек» состоит в следующем: скрывавшимся в доме на Принсенграхте приходилось сжигать свои отходы – и черный дым из печной трубы должен был привлечь внимание соседей, о чем они могли бы сообщить в гестапо. Невероятно, чтобы никто не заметил дыма. Железный аргумент, подтверждающий, что дневники повествуют о том, чего не было; но в действительности здесь не учитывается один факт, а именно: кто-то действительно заметил и сообщил в гестапо, так что, хоть и с некоторой задержкой, несчастные были обнаружены.

Второй аргумент. Свидетель, выживший в концентрационном лагере, говорит, что в Треблинке горы одежды достигали 35–40-метровой высоты. Ревизионисты заявляют, что гора такой высоты – все равно что пятнадцатиэтажное здание, и одежду нельзя сложить в такую кучу без подъемного крана, и диаметр этой кучи был бы невероятный – около 140 метров, при площади основания в 4805 квадратных метров. Для такой горы просто не оказалось бы места в лагере, и поэтому, делают они вывод, свидетельство ложно.

Аргумент, безукоризненный математически, слаб риторически, потому что не учитывает того, что всякий (особенно тот, кто только что пережил кошмарный опыт или, еще хуже, вспоминает о нем спустя какое-то время) имеет склонность к *гиперболизации.* Это как если кто-то, рассказывая о пережитом, заявит, будто у него волосы на голове встали дыбом, и мы будем это оспаривать, основываясь на формальной логике и наглядно показывая, что волосы никак не могут принять строго вертикального положения. Очевидно, этой гиперболой рассказчик хотел подчеркнуть: то, что он видел, было ужасно и внушало ему страх, – вот о чем следовало бы говорить, если уж непременно надо обращаться к здравому смыслу.

Статья Карло Гинзбурга в прошлом номере журнала «Micromega» (которую я прочитал заодно с книгой, написанной им после первого процесса Софри[40]) заставляет вспомнить о логике ревизионистов. Их позиция состоит в том, что любое свидетельство может быть опротестовано или истолковано по-другому, если в качестве отправной точки использовать утверждение, что Холокоста не было.

Я не настолько развращен или циничен, чтобы сравнивать дело Софри с Холокостом. Чтобы сопоставить юридический казус, касающийся трех человек, с исторической трагедией, понадобился бы огромный множитель. Но мне интересен путь рассуждений. Аргументы Гинзбурга убедительны даже для тех, кто, как и я, не связан с Софри долгим знакомством или совместной военной службой. Речь идет только о рассуждениях с точки зрения

---

[39] Сейчас издана отдельной книгой: *Valentina Pissanty*. L'irritante questione delle camere a gas («Болезненный вопрос о газовых камерах»). Milano: Bompiani, 1998. *(Прим. автора.)*

[40] *Carlo Ginzburg*. Il giudice e lo storico. Considerazioni in margine al processo Sofri («Судья и историк. Размышления на полях процесса Софри»). Torino: Einaudi, 1991. *(Прим. автора.)*

здравого смысла. И похоже, что процесс или, точнее, процессы над Софри (когда мы говорим о «деле», имя Софри выступает как синекдоха, обозначая также Бомпресси и Пьетростефани[41]) были проведены небрежно не в юридическом смысле, а в смысле той естественной логики, которая позволяет нам утверждать в самых разных случаях, что говорящий о вставших дыбом волосах просто хочет сказать, что был очень напуган, а все прочее – недостойные уловки.

Ощущение, как подсказывает нам здравый смысл, состоит в том, что Софри был осужден по ошибочным соображениям. Когда я говорю «по ошибочным соображениям», я хочу оставить лазейку для тех, кто считает Софри виновным. Он остается виновным, но рассуждения, на основании которых он был признан виновным, – ошибочны.

Почему процесс Софри привлек такое внимание общественности, даже тех, кто далек от осужденных? По тем же причинам (хотя политический контекст был совсем иным), по которым часть общественности (в то время незначительная) была взбудоражена процессом Брайбанти[42]. Возможно, кто-то еще помнит это дело, а если нет – отсылаю к книге того времени, вышедшей под моей редакцией. Никому не известный провинциальный преподаватель – которого, кстати сказать, я не знал ни до, ни после – был обвинен в «принуждении», т. е. соблазнении и развращении двух юношей (обратите внимание – совершеннолетних), которых он побудил к гомосексуальной связи, а кроме того (что казалось еще хуже) – приобщил их к богемной жизни и к идеям в самом широком спектре: от марксизма до атеизма еврейского (sic!) философа Баруха Спинозы.

«Принуждение» вообще трудно сформулировать, даже когда случай более очевиден и касается преступления в отношении несовершеннолетних. Но куда менее понятно: если кто-то склонил двоих совершеннолетних к сексуальным отношениям, можно ли это вменять ему в вину? Тому, кто следил за процессом и прочитал сотню страниц дела и окончательного приговора, было предельно ясно, что в этом процессе нарушены все правила логики и здравого смысла, – следствия путались с причинами и наоборот, а в качестве отягчающего обстоятельства был предъявлен тот факт, что обвиняемый посвятил себя изучению жизни муравьев и у него в ящиках стола хранились странные, любопытные, неподобающие этому месту предметы и тому подобное[43].

Та часть общественности, которая следила за процессом, сделала то единственное, что она могла или должна была сделать: скрупулезно исследовать документы и указать на все изъяны разбирательства – изъяны, которые были даже скорее психологическими, чем юридическими. В конце концов Брайбанти был оправдан по апелляции. Нет необходимости

---

[41] *Адриано Софри* (р. 1942) – в 1960–1970-е годы лидер левацкой группировки «Борьба продолжается» («Lotta Continua»). В 1980-х оставил политику и начал активно выступать в печати как публицист, писатель и историк. В 1997 г. после длительного многоступенчатого разбирательства его приговорили к 22 годам тюремного заключения как заказчика убийства комиссара полиции по фамилии Калабрези, совершенного в 1972-м. Вместе с ним были осуждены Джорджо Пьетростефани (также как заказчик) и Овидио Бомпресси (как непосредственный исполнитель). Процесс над Софри вызвал широчайший общественный резонанс. Многие видные политики и деятели культуры (также в молодости бывшие левыми) призывали помиловать его вне зависимости от юридической стороны дела. В 2005 г. тюремный режим для Софри был значительно смягчен, а в январе 2006-го в связи с ухудшением состояния здоровья он был помилован.

[42] Альдо *Брайбанти* (р. 1922) – поэт, переводчик (в частности, дневников Колумба), художник, музыкант, преподаватель по профессии, участник Сопротивления. Лето 1960 г. провел на озере Комо с 19-летним электриком Пьеркарло Тоскани, два года спустя в Риме начал жить вместе с 18-летним Джованни Санфателло, с которым познакомился за четыре года до этого. Санфателло порвал со своей семьей (очень консервативной), и его отец в 1964 г. подал в суд на Брайбанти, уверяя, что его сын и второй юноша попали в «ментальное рабство» к изощренному интеллектуалу. В 1968 г. Брайбанти был осужден на 9 лет, которые потом были сокращены до шести и потом – до четырех. В 2005 г. Брайбанти была назначена пенсия от Евросоюза.

[43] Sotto il nome di plagio («Под именем принуждения»). Milano: Bompiani, 1969. Книга (вышедшая вслед за серией статей, моих и чужих, появившихся в ходе процесса) содержала тексты Альберто Моравиа, Адольфо Гатти, Марио Гоццано, Чезаре Музатти, Джиневры Бомпиани. Если этой книги уже нет в продаже, мой текст (занимающий семь десятков страниц) можно найти в: Il costume di casa («Домашние обычаи»). Milano: Bompiani, 1973. (*Прим. автора.*)

уточнять, был ли он симпатичен, можно ли одобрять его идеи и его сексуальные наклонности: просто не было преступления – по крайней мере, если не считать таковым гомосексуализм; но как раз это и оказалось одним из элементов, которые сбили с толку следствие, – что и ужасно.

Почему я сейчас вспоминаю этот случай? Потому что в конце концов продуманные и целенаправленные выступления по сути дела (в процессе полно изъянов), несомненно, заставили суд смягчить приговор. Если бы, наоборот, гомосексуалисты вышли на улицы с требованиями освободить Брайбанти, потому что он один из них, – боюсь, он до сих пор сидел бы в тюрьме.

А теперь вернемся к делу Софри. Большинство выступлений в его защиту, как бы ни были они разукрашены, основываются на том, что «я хорошо его знаю, он не мог совершить ничего подобного». Я нахожу эти выступления если не опасными, то уж точно совершенно бесполезными. Взывать к моральным качествам – это очень слабый аргумент в любом процессе, хотя бы по тому универсальному правилу, что совершающий преступление за секунду до него еще не был преступником (по крайней мере, если быть радикальным ламброзианцем). Моральные качества дорогого стоят в личном плане, но не в процессуальном. Что еще хуже, нельзя сказать, что они вообще ничего не стоят: когда их настойчиво выносят на всеобщее обозрение, они могут только навредить, потому что вынуждают судей сопротивляться тому, что они воспринимают как психологическое давление со стороны тех, кто находится в сговоре с обвиняемыми. От друзей – храни нас, Боже!

Возможно, настороженное отношение к защите с позиции «да я его хорошо знаю» – это мое личное предубеждение. Но я настаиваю, что, если кто-то обвиняется в уголовном преступлении, помочь ему может тот, кто располагает доказательствами, что преступления не было, и в этом случае он должен немедленно предъявить их в прокуратуре, либо он взывает только к моральным соображениям, но в этом случае он должен осознавать, что юридически они ничтожны. Поборник гражданских прав – это не тот, кто действует потому, что убежден в невиновности кого-то, а тот, кто действует потому, что должны соблюдаться права этого «кого-то» на скорый и справедливый суд.

Другой эмоциональный аргумент, который мы слышим «под шумок», сводится к тому, что несправедливо осуждать кого бы то ни было за преступление, совершенное двадцать лет назад, ведь с того времени его жизнь изменилась глубочайшим образом. Абсурдный довод; это все равно что утверждать, в общем, что время гасит преступление. Этот двусмысленно-эмоциональный аргумент используют те, кто заявляет о невиновности Софри, – и в то же время, желая видеть его на свободе, потому что он невиновен, они готовы признать его преступником, который, насколько им известно, со временем исправился. И опять – от друзей храни нас, Боже!

Двусмысленными мне представляются и все призывы к президенту Республики подписать помилование, и я нахожу совершенно справедливым и естественным, что сами обвиняемые первыми отвергают решение подобного рода. Ведь очевидно: если я заявляю о своей невиновности, я не могу желать помилования, я хочу только доказать, что я невиновен. Принять помилование – значит признать свою вину. В третий раз – от друзей храни нас, Боже!

А еще возникла солидарность «в грешках». Софри и поныне все еще цинично используется как клин, чтобы разрушить репутацию разных прокуратур, его помилование стало отмычкой для других случаев, для того, чтобы отменить судебную процедуру. Показать, что процесс Брайбанти был порочным – совсем не значит показать, что плохо сделали, осудив «Мыловарницу»[44] или чудовище с виа Салария[45]; это значит только показать, что в *том* процессе были нарушены все нормы юриспруденции, – а это совсем другое дело.

---

[44] *«Мыловарница из Корреджо»* – Леонарда Чанчулли (1893–1949), убившая в 1939–1940 годах трех немолодых подруг,

Как происходит в гражданском обществе? Так, как это сделал Золя для Дрейфуса, устраивая процесс над процессом, что и является правом / обязанностью не склонного к истерикам общественного мнения. И это как раз то, что сделал Карло Гинзбург после приговора 1990 года. Поэтому гораздо важнее читать и перечитывать его книгу, публиковать из нее обширные выдержки в газетах и журналах, а не подписывать бесконечные воззвания. Причем Гинзбург откровенно начинает с того, что открывает карты (более того, можно сказать – открывает, как сомнительны его карты), заявляя, что начальным толчком к написанию этой книги было то, что Софри – его личный друг. После этого вступления он больше не говорит в эмоциональном ключе: он анализирует свидетельские показания, материалы допросов, улики, аргументы и контраргументы, и у того, кто прочитает эту книгу, сложится убеждение, что этот процесс, изначально основанный на уликах, вызывает большую озабоченность, потому что улики оценивались по весьма спорному приципу: всякое свидетельство или улика защиты отвергались, если противоречили свидетельству обвинения.

Книга Гинзбурга делает кое-что большее: сравнивает методы интерпретации, использованные судейской коллегией, с теми, которыми и следует пользоваться серьезному историку, оценивающему, можно ли положиться на имеющиеся свидетельства. Гинзбург достаточно благоразумен и понимает, что эти два подхода можно сравнивать, и ясно дает это почувствовать. Но в конце концов он предъявляет разительное отличие между методами серьезного исторического исследования и теми, которые были использованы во время процесса и при вынесении приговора. Вот почему я начал с возможного логического анализа доводов ревизионистов, отрицающих Холокост. Есть кое-что общее между теми, кто тщится доказать, что преступления не было, и теми, кто тщится доказать, что преступление было: это слабость аргументов. В определенных случаях важнее, чем соблюсти права обвиняемых или права жертв, обеспечить права – не скажу «разума», но здравого смысла. Мне кажется, что аргументы, использованные в процессе Софри, противоречат именно ему.

Урок, который следует из книги Гинзбурга, может быть неприятен. Но это свидетельствует о том, что единственное, что имеет смысл делать, – это двигаться в том же направлении. Мне стало известно, что один издатель намерен целиком опубликовать приговор. Не знаю, получится ли целиком, потому что он превышает по объему том солидных размеров. Но именно таким образом и надо действовать, и это – единственное милосердие, на которое могут рассчитывать осужденные, пускай даже это займет больше времени.

Поясню. Я не просто убежден «по моральным соображениям», что процесс Софри был проведен некорректно. Я хочу сформулировать гипотезу, базирующуюся на тех данных, которые мне известны. Но я не могу делать вид, что обращаюсь с этими известными мне сведениями без некой *предвзятости.* В самом деле, хотя у меня нет настоящих предубеждений, все равно я не свободен от подсознательной предвзятости. Это не оксюморон, а то, что помогает анализировать лишь мысленный набросок, чтобы понять, какую гипотезу следует выбрать для дальнейших рассуждений.

Вот каковы первоочередные «нарративные» мотивы моей предвзятости. Термин «нарратив» здесь не следует понимать в узком смысле. Я из тех, кто склонен считать, что законы нарратива являются основополагающими в каждом акте понимания вещей, не только в историческом смысле, но и на уровне восприятия: чтобы понять какой-либо феномен, мы стараемся разложить его на «когерентную», связную последовательность событий. Если посреди луга этой весной появился цветок, которого я раньше никогда здесь не видел, более когерентно и «экономно» подумать, что какой-то естественный посредник перенес на это место

надеясь таким образом (с помощью человеческих жертв) спасти от гибели на войне своего сына.

[45] Имеется в виду серийный убийца, орудовавший на виа Салария в Риме, где обычно собираются проститутки.

семечко прошлой осенью, а не представлять мифического садовника, высадившего этот цветок под покровом ночи. Первая история более правдоподобна и раньше приходит в голову.

Вернемся к истории Софри и группы «Борьба продолжается». Всякий, кто читал в свое время газету с таким названием, мог заметить, независимо от того, разделял он или не разделял ее идеи, характерные особенности и газеты, и движения. В то время как другие печатные органы, возникшие после шестьдесят восьмого года, демонстрировали склонность к доктринерству и, в наиболее запущенных случаях, к безудержной ругани, «Борьба продолжается» выработала новый журналистский подход – в том, что касается выбора лексики, синтаксиса, концепции заголовков[46]. Совсем не случайно бóльшая часть бывших лидеров движения стали влиятельными фигурами в журналистике (и это, среди прочего, объясняет, почему Софри так бурно поддержали массмедиа). Газета «Борьба продолжается» изобрела журналистскую формулу, которую мы, не обинуясь, можем определить как «умение убеждать». Ее язык был посредником, и это важнейшая характеристика для массмедиа: читателя надо убедить, поразить, обольстить, победить при помощи риторики и не навязать ему свои выводы, а дать возможность сделать свои. Это «умение убеждать», внимание к своей audience[47] отличало издание «Борьба продолжается» от других газет левого движения.

Каковы были намерения группы «Борьба продолжается» в отношении Калабрези? Разоблачить его, бросить на скамью подсудимых за убийство Пинелли[48] или, по крайней мере, убедить как можно больше народу в его виновности и вместе с ним разоблачить власть, которую он для левых символизировал? Можно обвинять группу «Борьба продолжается» в том, что они выбрали ошибочный символ, а также в жестокости, безжалостности, в том, что они сами назначили виноватого и довели до того, что многие возненавидели его «печенками»; можно обвинять их в чем угодно, но следует помнить, что их целью было именно это.

Более того, Калабрези был необходим группе живым и как можно более виноватым, Калабрези сделался прямо-таки залогом ее собственного выживания.

И поскольку редакторы газеты и сам лидер движения обладали острым медийным чутьем, они не могли не сознавать, что убитый Калабрези превратится в полную противоположность тому, чего они от него хотели. Отныне не виноватый, но Жертва, не Зло, но Герой. По крайней мере, это подсказывал здравый смысл и журналистское чутье. Конечно, невозможно исключать помешательство, но, насколько мне известно, до сего дня на процессе Софри о психических расстройствах и речи не шло. Я хочу сказать, что, если нынче какой-то загадочный убийца начнет швырять бомбы в кинотеатры, мы можем подозревать всех, вплоть до самых неожиданных людей, но из последних будут кинопродюсеры и владельцы кинотеатров. Они не заинтересованы ни в чем подобном, напротив – они первые пострадают от этого.

Я понимаю, что рассуждение: «Калабрези был нужен им живым, а не мертвым, чтобы убить его символически, поскольку им больше подходило оплакивать его» – может показаться очень циничным и, пожалуй, таковым и является, – по крайней мере в той степени, в которой циничным является всякое реалистическое рассуждение. Но, пока не будет доказано обратное, мы принуждены строить гипотезы, исходя из того, что Софри и его товарищи действовали реалистически. Это не исключает, что они недооценили тот факт, будто кто-то из их читателей мог неверно истолковать их призывы и импульсивно поддаться мести. Но это другая история, и по этому поводу сам Софри высказался весьма самокритично.

---

[46] Ср.: *Patrizia Violi.* I giornali dell'estrema sinistra («Левацкие газеты»). Milano: Garzanti, 1977. *(Прим. автора.)*

[47] Читательской аудитории *(англ.)*.

[48] Джузеппе *Пинелли* (1928–1969) – железнодорожный рабочий, анархист. Вместе с другими анархистами был арестован 12 декабря 1969 г. после взрыва бомбы на площади Милана, унесшей жизни 16 человек. 15 декабря разбился насмерть, выпав из окна полицейского управления во время допроса. Официально это было признано самоубийством, но Луиджи Калабрези, один из допрашивавших, в 1971 г. находился под следствием – и был оправдан за недостатком улик.

Мне кажется разумным, применительно к этому преступлению (как и к любому другому), держаться принципа cui prodest[49]. Процесс и приговор, напротив, творят историю, в которой действующие лица стряпают сюжет коллективного самоубийства. Эта история не кажется когерентной, связной.

Конечно, в жизни происходят и бессвязные истории. Но подозрение в бессвязности представляется мне хорошим поводом пересмотреть историю. Потому что в таком виде, как ее рассказывают теперь, она кажется слишком расхлябанной.

1997

[49] Кому это выгодно? *(лат.)*

Косово

В декабре 1993 года в Сорбонне под эгидой Всемирной академии культуры (Academie Universelle des Cultures)[50] состоялся конгресс, посвященный понятию «международная интервенция». Там были не только юристы, политологи, военные и политики, но также философы и историки, такие как Поль Рикёр или Жак Ле Гофф, «врачи без границ», всё равно, что как Бернар Кушнер, представители некогда преследуемых меньшинств – Эли Визель, Ариель Дорфман, Тони Моррисон, а также жертвы репрессий при разных диктатурах, например, Лешек Колаковский, Бронислав Геремек или Хорхе Семпрун, – словом, множество людей, которым не нравится война, никогда не нравилась и которые не хотели бы больше ее видеть.

Слово «интервенция», то есть «вмешательство», внушало страх из-за того, что уж слишком напоминало «вмешательство в чужие дела» (ведь даже маленький Сагунт оказался объектом вмешательства, и это дало повод римлянам выступить против Карфагена[51]), и все предпочитали говорить о помощи или о *международных действиях*. Лицемерие чистой воды? Нет, просто римляне, которые вмешались в войну на стороне Сагунта, – это римляне, и всё тут, в то время как на конгрессе речь шла о международном сообществе, то есть о группе стран, контролирующих ситуацию в любой точке земного шара, где проявляется нетерпимость и где следует вмешаться, желая положить конец тому, что общее мнение считает преступлением.

Но какие страны входят в это международное сообщество и каким образом очерчены пределы «общего мнения»? Конечно, можно утверждать, что в любом обществе убивать – плохо, но только с определенными оговорками. Мы – европейцы и христиане – допускаем, например, убийство в качестве необходимой самообороны, но древние жители Центральной и Южной Америки признавали человеческие жертвоприношения, а нынешние жители США признают смертную казнь.

Один из выводов этого весьма нелегкого форума заключался в том, что «вмешиваться» (как и в хирургии) значит энергично действовать, чтобы пресечь или искоренить зло. Хирургия хочет добра, но ее методы насильственны. Допустима ли хирургия в международных делах? Вся философия современной политики говорит: для того, чтобы избежать войны всех против всех, государство вправе применять определенное насилие по отношению к отдельным гражданам. Но эти граждане подписали общественный договор. А как быть с государствами, которые не подписывали всеобщего договора?

Обычно общество, признающее ценности очень широкого спектра (мы говорим о демократических странах), очерчивает границы того, что считается неприемлемым. Неприемлемо осуждать на смерть за высказывание собственного мнения. Неприемлем геноцид. Неприемлемо женское обрезание (по крайней мере, у нас в Италии). И нужно защищать всех, над кем нависла угроза того, что считается неприемлемым. Ясно, что речь при этом идет о неприемлемом для нас, а не для «них».

Но кто такие «мы»? Христиане? Необязательно; добропорядочнейшие христиане, пусть и не католики, поддерживают Милошевича. Очень удобно, что понятие «мы» (даже

---

[50] *Всемирная академия культуры* учреждена в Париже Эли Визелем в 1992 г., находится под патронажем президента Франции, объединяет ряд нобелевских лауреатов.

[51] В 219 г. до н. э. Ганнибал, искавший повод для войны с Римом, занял после семимесячной осады союзный римлянам город-государство Сагунт (в нынешней Валенсии). Римляне, отвлеченные подавлением галльских мятежей, так и не решились прийти на помощь, однако направили в Карфаген посольство, объявившее о начале войны, известной нам сейчас как Вторая Пуническая.

если оно определяется договором, подписанным с НАТО) весьма расплывчато. Это некое сообщество, которое можно опознать по его ценностям.

Стало быть, когда принимается решение об интервенции на основании ценностей определенного сообщества, происходит что-то вроде пари, ставками в котором выступают наши ценности, наше чувство приемлемого и неприемлемого. Такое историческое пари ничем не отличается от легитимации революции или тираноубийства: кто может дать мне право применить насилие (и какое именно насилие) там, что сам я считаю революционной справедливостью? Нет ничего такого, что могло бы узаконить революцию, когда она происходит, – участники просто должны верить, ставить на то, что они совершают справедливое дело. То же самое происходит, когда принимается решение о международной интервенции.

И вот почему у всех сейчас такое подавленное состояние. Происходит ужасное зло, которому надо противостоять (этнические чистки): законно ли военное вмешательство? Следует ли затевать войну, чтобы остановить беззаконие? Это будет справедливо; но будет ли это гуманно? И снова перед нами встает проблема ставок: если минимальным насилием будет пресечена ужасная несправедливость, – значит, я действую гуманно, подобно тому как полицейский убивает вооруженного маньяка, чтобы спасти жизнь невинных.

Но ставка – двойная. С одной стороны, на кону утверждение, что мы, в согласии со здравым смыслом, хотим пресечь нечто, совершенно неприемлемое (и если кто-то этого еще не понял и не согласился – тем хуже). С другой – что насильственным путем, который одобрен сейчас, удастся предотвратить большую кровь. Это две абсолютно разные проблемы. Вначале я попробую вынести за скобки первую; она далеко не так очевидна, но я должен напомнить, что пишу не трактат по этике, а статью в журнал, жестко ограниченную объемом и стилем изложения. Другими словами, первая проблема настолько трудна и запутанна, что я не могу и даже не имею права говорить о ней на журнальных страницах. Просто признаем: для того, чтобы пресечь такие преступления, как этнические чистки, правомерно прибегнуть к насилию. Но вторая проблема – достаточно ли того насилия, к которому мы прибегнем, чтобы предотвратить большую кровь. Это проблема не этическая, а скорее техническая, хотя все равно она несет неявный этический аспект: если несправедливость, которую я допускаю, не предотвращает бульшую несправедливость, законно ли ее использовать?

Этот вопрос подобен рассуждению о пользе войны – имеется в виду война «нормальная», традиционная, которая заканчивается полным поражением врага и торжеством победителя. Рассуждение это нелегко дается – потому что тот, кто говорит о бесполезности войны, вроде бы защищает несправедливость, которую война призвана исправить. Но это психологический трюк. Если кто-то, например, утверждает, что все беды Сербии проистекают от диктатуры Милошевича и что хорошо бы западным спецслужбам удалось его убить, этот «кто-то» выступает критиком войны как инструмента разрешения проблемы Косова, но уж никак не защитником Милошевича, правда? Почему же никто не занимает такую позицию? По двум причинам. Первая – потому что спецслужбы всего мира неэффективны по определению, они не в состоянии лик видировать ни Кастро, ни Саддама, стыд и срам, что до сих пор считается в порядке вещей расходовать на них народные деньги. Другая причина в том, что действия сербов – это не просто результат злой воли диктатора, это связано с тысячелетней национальной рознью, в которую вовлечены и они, и другие балканские народы, что делает проблему еще более драматичной.

Вернемся снова к вопросу о пользе войны. Какова была на протяжении столетий конечная цель того, что мы назовем «праправойнами»? Разгромить противника и извлечь из этого выгоду для себя. Для этого были необходимы три условия: для врага должны оставаться неизвестными наши возможности и наши намерения; должна соблюдаться внутренняя сплоченность по всему фронту; и, наконец, все имеющиеся силы должны быть брошены на разгром неприятеля. Поэтому в праправойнах (включая холодную войну) уничтожали

тех, кто передавал информацию в стан врага (расстрел Маты Хари, электрический стул для Розенбергов), всячески препятствовали пропаганде противоположной стороны (слушавших «Радио Лондон» бросали в тюрьму, Маккарти изгонял из Голливуда тех, кто симпатизировал коммунистам) и карали тех, кто работал против собственной страны (убийство через повешение Джона Амери[52], многолетняя изоляция Эзры Паунда), – чтобы не ослаблять дух граждан. И, наконец, всех учили, что враг должен быть уничтожен, и военные сводки ликовали, когда вражеским силам наносился урон.

Эти условия стали меняться во время первой «новой войны», или неовойны, – войны в Заливе 1991 года. Но тогда то, что американские журналисты – из тщеславия или за взятки – были допущены в Багдад, всё еще списывали на «глупость цветных людей». Теперь уже никаких экивоков: Италия отправляет военные самолеты на Белград, но поддерживает дипломатические отношения с Югославией, телевидение стран НАТО час за часом сообщает сербам, какие натовские самолеты покинули американскую авиабазу в Авиано, сербские представители отстаивают позицию своего правительства на государственном телевидении противника, итальянские журналисты ведут репортажи из Белграда, поль зуясь поддержкой местных властей. Да война ли это – с врагом, который ведет свою пропаганду у тебя в доме? В неовойне у каждой противоборствующей стороны в тылу враг, и, постоянно предоставляя ему слово, массмедиа деморализуют население (в то время как Клаузевиц[53] напоминал: объединение всех воюющих в едином порыве есть условие победы).

С другой стороны, даже если заглушить СМИ, новые коммуникационные технологии дают возможность информации просачиваться безнаказанно, и я не знаю, может ли Милошевич блокировать – не скажу даже интернет, но радиопередачи из стран-противников.

Все это на первый взгляд противоречит прекрасной статье Фурио Коломбы[54] в «Республике» от 19 апреля, в которой он провозглашает, что маклюэновская «глобальная деревня» приказала долго жить 13 апреля 1999 года: в мире массмедиа, мобильных телефонов, ретрансляторов, спутников-шпионов и тому подобного приходится полагаться на полевой телефон-«вертушку» сотрудника международной организации, который не в состоянии прояснить, действительно ли сербы проникли на албанскую территорию. «Мы ничего не знаем о сербах. Сербы ничего не знают о нас. Албанцы ничего не могут разглядеть из-за голов бегущих людей. Македония принимает беженцев за силы противника и устраивает резню». Так что это – война, где все знают всё обо всех или где никто не знает ничего ни о ком? И то, и другое.

Весь тыл прозрачен, а фронт расплывчат. Представители Милошевича появляются в эфире у Гада Лернера[55], а на фронте, где некогда генералы, всматриваясь в бинокли, прекрасно видели, где враг, – теперь не понятно ничего.

Так происходит потому, что если во время праправойн целью было уничтожить как можно больше солдат противника, для неовойны типично стремление убить их как можно меньше. Потому что убивать слишком много – значит попасть под огонь критики СМИ. В неовойне никто не жаждет уничтожить врага, потому что массмедиа сделали нас чувствительными к его смерти, – это больше не далекое неопределенное событие, а проис-

---

[52] *Джон Амери* (1912–1945) – антикоммунист, сын министра британского Кабинета, уехавший в 1936 г. в Испанию к Франко, вел нацистскую радиопропаганду на Британию и предложил Гитлеру сформировать в Париже добровольческие части из пленных британцев.

[53] Карл фон *Клаузевиц* (1780–1831) – знаменитый прусский генерал и теоретик военного дела, автор фундаментального труда «О войне».

[54] *Фурио Коломбо* (р. 1931) – корреспондент «Репубблики» и «Стампы» в США, потом – президент FIAT USA, в 2001–2004 гг. – главный редактор газеты «Унита» в США.

[55] *Гад Лернер* (р. 1954) – итальянский журналист ливанско-еврейского происхождения, начинал карьеру в левацкой газете «Борьба продолжается» (см. колонку «Об одном процессе»), непродолжительное время был директором новостной службы телеканалов TG1 и Rai Uno.

шествие, наглядность которого неотменима. В неовойне каждая армия уже тронута жертвенностью. Милошевич жалуется на ужасающие потери (Муссолини бы такого постеснялся), и достаточно натовскому пилоту грохнуться на землю, как все начинают страшно волноваться. В неовойне проигрывает в глазах общественного мнения тот, кто слишком много убивает. Так что неудивительно, что на боевом рубеже никого не видно и никто ничего не знает о противнике. В сущности, неовойна проходит под знаком «умных бомб», которые должны уничтожить противника, не убивая его, так что можно понять наших министров, говорящих: «Что, боевые действия? Да ничего подобного!» То, что потом куча народу все равно умирает, не имеет никакого значения. Можно сказать, недостаток неовойны состоит в том, что люди умирают и никто не побеждает.

Но, может быть, просто никто не знает, как надо вести неовойну? Разумеется, никто. Стратеги привыкли в ужасе балансировать на грани атомной войны, а не такой Третьей мировой, в которой полетели клочки Сербии. Это как если бы лучшие технари пятьдесят лет занимались видеоиграми. Вы бы доверили им после этого строить мост? Но дело даже не в том, что сейчас в строю нет никого, кто достаточно стар, чтобы знать, как воевать. Самая злая насмешка неовойны состоит в том, что по-другому не могло быть в любом случае, потому что неовойна – это игра, в которой всегда проигрываешь по определению, хотя бы потому, что используемые технологии сложнее, чем мозги тех, кто ими управляет, и простой компьютер, хоть он и полный идиот, способен выдать больше финтов, чем те, кто думает, будто они им управляют.

Необходимо выступить против преступлений сербского национализма, но, возможно, война – это неправильно выбранное оружие. Может быть, единственную надежду следует возлагать на человеческую жадность. Если на прежней войне наживались торговцы оружием и эти доходы заставляли мириться с временным прекращением некоторых торговых сделок, то неовойна, хоть она поначалу и позволяет сбыть с рук излишек вооружения, прежде чем оно морально устареет, ввергает в кризис воздушное сообщение, туризм, сами СМИ (которые теряют рекламу) и, в общем, всю индустрию комфорта. Военной промышленности нужна напряженность, а индустрии комфорта – мир. Рано или поздно некто более могущественный, чем Клинтон и Милошевич, скажет «хватит», и обоим придется немножко потерять лицо, чтобы сохранить остальное. Грустно, но это так.

1999

Брега любимые[56]
Итальянские хроники

Стоит ли убиваться из-за телевидения?

Дебаты на эту тему носят сезонный характер, но в последние несколько недель, похоже, они усилились. Тема – политическая роль телевидения: означает ли «занимать телевизионные экраны» то же самое, что «оказывать решающее влияние на общественное мнение»? Вполне очевидно, что дискуссия принимает ожесточенный характер в момент, когда возникает вопрос перераспределения делянок: кто-то рискует потерять с трудом приобретенные каналы, а другие начинают присматривать участки, чтобы застолбить их. Учитывая, что речь при этом идет не о тактическом преимуществе, которое телевидение может обеспечить, а о стратегическом (т. е. о формировании долговременного и устойчивого консенсуса), предпримем мысленный эксперимент. Представим историка трехтысячных годов. Анализируя книги, видеозаписи, полицейские отчеты, судебные приговоры, подшивки газет, он может прийти к следующим выводам.

В пятидесятые и большую часть шестидесятых годов телевидение находилось в монопольном владении христианских демократов. В отношении нравственности они следили за тем, чтобы на экране не показывали смущающую наготу, культивировали «атлантический» и сдержанный подход к вопросам внутренней и внешней политики, втихомолку транслировали церковные службы и образовательные программы, а телегероев демонстрировали с короткими стрижками, в галстуках и с хорошими манерами. К тому же внимательно следили за тем, чтобы слишком много не говорили о Сопротивлении и не создавали врагов справа. Молодежь 1945– 1950-х годов рождения выросла с этим телевидением. И как результат – поколение шестьдесят восьмого года: длинные волосы, сексуальная свобода, борьба за право на развод и аборт[57], ненависть к системе, антиклерикализм, Сопротивление в качестве идеала, который воплощался на практике в Боливии или во Вьетнаме.

Затем телевидение постепенно потеряло цельность: в смысле обычаев, мало-помалу стало допустимым показывать обнаженную грудь (а поздно вечером и более укромные части), демонстрировать свою свободу от предрассудков, сарказм, насмешливость, непочтительность к принятым установлениям. И на этом фоне телевидение произвело на свет поколение, возвращающееся к религиозным ценностям и стыдливому сексу. В историческом аспекте мы видим, что начиная с середины шестидесятых годов телевидение сделало так, что о Сопротивлении – основополагающем мифе Республики – стало невозможно говорить; и появилось поколение, которое не только не желало больше о нем слышать, а, более того, склоняющее ухо (по счастью, пока что в незначительной степени) к пению сирен ревизионизма, чтобы не сказать – расизма и антисемитизма.

В плане политическом телевидение, даже разделившись на три канала с различной идеологией, прививало уважение к правящему классу, демонстрируя его при первой возможности, и настаивало, все назойливее навязывая свою картинку, на собственной значимости и (как необходимое условие) собственной популярности. Результат? Часть граждан независимо друг от друга взбунтовалась против этого правящего класса и двинулась в сторону

---

[56] Строка из канцоны Ф. Петрарки «Италия».

[57] Из-за сильнейшего влияния Католической церкви развод в Италии юридически стал возможен только в 1970 г. В 1974-м противники разводов добились проведения референдума за его отмену, но потерпели поражение – против отмены закона высказались 59 %. Аборты были разрешены в 1978 г.

«Северной лиги»; все прочие, как только система дала слабину, мигом опознали в должностных лицах своих притеснителей и принялись швырять тухлые яйца (и отнюдь не метафорические) в увиденных по телевизору политиков, повстречав их на улице.

Наш историк трехтысячных годов в конце концов не может не прийти к обоснованному выводу, что демохристианское телевидение породило такой массовый приток в коммунистическую партию, какого не знала Западная Европа, в то время как частичный доступ коммунистов к контролю над каналами спровоцировал откат.

Если этот историк будет жить в эпоху твердокаменной языческой религиозности, он заключит, что телевидение было Империей Зла, свирепым Молохом, который пожирал тех, кто пытался овладеть им и использовать его, или проще, что этот *медиум* наводил ужасную порчу на всякого, кто оказывался на телеэкране. Если же, напротив, историк склонен к аналитическим рассуждениям и созданию научных гипотез, то он скажет, что это настырное средство связи, пожалуй, могло иметь заметное влияние на массовое сознание в сфере потребления, но явно не в области политических пристрастий и решений.

В этом случае он спросит себя в смущении: почему же вокруг эволюции этого средства связи кипела такая борьба? И заключит, что люди нашего века ничего не смыслили в масс-медиа.

1993

Нюансы Сопротивления

Когда я был ребенком, мой отец рассказывал о разных случаях, которые с ним происходили во время Первой мировой войны. Больше всего меня поразил эпизод отступления под Капоретто[58]. Сутками шли они маршем, не останавливаясь на ночлег, и моему отцу удалось выжить только благодаря одному высокому и крепкому однополчанину, который позволил ему (тощему и изможденному) на несколько часов прислониться к своему плечу. Мой отец прикорнул на ходу, продолжая перебирать ногами. Такое возможно, если хочешь жить.

Потом они пришли на большую покинутую виллу – вне всякого сомнения, на итальянской территории. Первое, чего мы могли ожидать от этой группы измученных людей, – что все они рухнут куда придется: на кровати, на ковры, на столы, чтобы перевести дух. Но некоторые из них – напротив, словно ворвавшись в дом неприятеля, принялись крушить мебель, бить зеркала, выворачивать ящики и опрокидывать комоды, выволакивая оттуда женские туалеты и белье и с гоготом напяливая всё поверх мундиров.

Кто были эти солдаты? Некоторые из них, снова посланные на фронт, оказались в числе шестисот тысяч погибших на той войне. Я хочу сказать, что это были хорошие ребята, такие же, как мы с вами, которые до этого и после этого вели себя как полагается по уставу. Но война – это страшный зверь, который выбивает из человека всякое нравственное чувство, и мы знаем немало примеров в истории, когда воители, обычно благородные, опускались до мародерства и насилия. Мой отец рассказывал эту историю с ужасом, но я не чувствую себя вправе судить этих солдат – ведь я никогда не отступал под Капоретто.

Я вспоминаю об этих вещах в те дни, когда кое-кто, приурочивая к определенным датам, снова вытаскивает на свет обвинения в адрес Сопротивления. И, как обычно, показывает, какие тогда совершались гадости и жестокости. Но это естественно. Невозможно было требовать здравомыслия и самоконтроля от людей, которых могли расстрелять в любую минуту, – людей, собранных наспех в отряды, где в любом бойце (как всегда бывает в гражданской войне) подозревали предателя, соглашателя, а некоторые оказывались в отряде только потому, что жили по эту сторону холма, – а живи они по другую, то охотно бы отдались на милость Социальной республики[59], где большинство (и бывший партизан Джорджо Бокка[60] подтвердил это) были идеалистами, следовавшими собственным понятиям о чести; а другие – разуверившимися авантюристами, норовящими урвать кусок. Я был тогда мальчишкой[61] и помню и тех и других – и с обеих сторон; уверяю вас, разуверившихся было очень легко вычислить, и часто они меняли лагерь с необыкновенной легкостью. Раз уж любая война, и в первую очередь войны гражданские, провоцирует подобные коллизии и перегибы, в чем состоит задача историка, которому подобные вещи хорошо известны? Разумеется, историк – это тот, кто собирает документы, даже самые незначительные, и его работа – обнаружить в архиве, что конкретно совершил конкретный Некто в тот или иной момент. Но если историк ограничится только этим – он просто собиратель оброненных кусочков прошлого, крохобор от истории. Историк – это тот, кто старается потом собрать эти данные в общую мозаику и поместить каждое событие в общую перспективу, анализируя его при-

---

[58] Под городком *Капоретто* на севере Италии в октябре 1917 г. итальянская армия потерпела сокрушительное поражение в битве с австро-германскими войсками.

[59] *Социальная республика*, более известная как “Республика Сало́” (сентябрь 1943 – апрель 1945), – марионеточное государство, созданное Муссолини на севере Италии после того, как Рим был занят союзными войсками.

[60] *Джорджо Бокка* (1920–2011) – виднейший итальянский журналист, автор нескольких книг по истории Италии времен фашизма и партизанского движения.

[61] Умберто Эко родился 5 января 1932 г.

чины и оценив воздействие на будущее, а также вынести свои соображения «с исторический точки зрения». Одно дело – знать, что во время Французской революции кто-то донес на своего кредитора и добился его гильотинирования, а другое – оценивать «смысл» революции с исторической точки зрения.

В общем, мне кажется, что в этих периодически возникающих спорах прошлое используется так же, как в журналистике используется настоящее. Оно не может быть показано иначе как фрагментами, частностями, – но порою частный случай неявно возводится в пример, и суждение, построенное на таком примере – неправомочно, но неотвратимо, – становится суждением об историческом периоде, группе людей или обществе.

Конечно, сейчас лето, и приходится идти на ухищрения, чтобы привлечь внимание читателей. Но тот большой, мрачный, отталкивающий и постоянно напоминающий о себе период, в который Италия вступила в сентябре 1943 года, требует большей широты взгляда и большего сострадания.

1993

Мои сочинения о дуче

Тема: «Почему в ваших ежедневных молитвах вы не забываете короля, дуче и отчизну?» Раскрытие темы: «В моих молитвах я поминаю дуче… потому что Он дает первый толчок любому делу.…Он командовал походом на Рим[62], прогнал из Италии всех заговорщиков и сделал ее могучей, грозной, прекрасной и великой». Кто автор этих размышлений, получивших первую премию на Агоне Культуры XVIII года Фашистской эры?

А кто написал вот эти, отмеченные на общегосударственных Молодежных играх XX года (1942)? «Вот по пыльной дороге марширует колонна детей. Это балиллы[63] идут гордой поступью под теплым солнцем нарождающейся весны, дисциплинированно маршируют, исполняя краткие команды своих начальников; это юноши, которые в двадцать лет оставят перо, дабы взять оружие и оборонять родину от неприятельских козней. Эти балиллы, шествующие по улицам в субботу, станут верными и неподкупными хранителями Италии и нового итальянского общества. Кто подумает, видя этих веселых и вечно шутливых юношей, что через несколько лет они, может быть, погибнут на поле боя с именем Италии на устах? Я твердо убежден: когда вырасту, стану солдатом, стану сражаться, и если Италии понадобится моя жизнь – отдам ее во имя нового, героического, священного общества. Воодушевляясь памятью нетленной славы, гордясь победами сегодняшнего дня и веря в будущие свершения, которые суждено совершить балиллам, наша современная молодежь – завтрашние солдаты – пойдет с Италией по ее славному пути к крылатым победам»[64].

Здесь вы вправе ожидать подтверждения своих худших предчувствий: автором этих текстов был Черный рыцарь (а мне, бесстыдному писаке, перепал солидный куш от Красного инженера[65]). Так вот – нет. Автор этих текстов – я, в возрасте восьми и десяти лет, соответственно.

На самом деле я прекрасно помню, как, сочиняя эти тексты, спрашивал себя, действительно ли я в это верю. Помнится, я задавался вопросом: «Я правда люблю дуче? Тогда почему же я на самом деле не вспоминаю его в своих молитвах? Может, я просто лживый и бесчувственный мальчик?» Но раскрывал эти темы как полагается – и не из цинизма, но потому, что дети по природе своей податливы. Они шалят, но принимают – и подтверждают, что принимают, – лучшие принципы, которые внушают им окружающие.

Тогда школьной формой гордились так же, как сейчас модным ранцем, чтобы быть как другие, пользоваться почетом и уважением. Тогда я не был циничным, это сейчас я циник, и я полагаю, что многие дети, которые пишут прекрасные сочинения в защиту своих черных братьев, делают это потому, что понимают: этим можно добиться одобрения общества. Конечно, я не до такой степени циничен, чтобы верить, будто все они завтра начнут громить неграждан Евросоюза. Неправда ведь, что все бывшие шестидесятники готовы голосовать за Фини[66] (лишь некоторые). И я могу различить то социальное давление, которое побуждает ребенка к толерантности, и то, что побуждало его стрелять в абиссинцев[67].

---

[62] *Поход на Рим* – марш 25000 чернорубашечников из Неаполя в столицу Италии. 28 октября 1922 г. они продефилировали перед королевским дворцом, символически утвердив приход к власти Национальной фашистской партии. 4 ноября того же года король Италии Виктор-Эммануил III назначил Бенито Муссолини главой правительства.

[63] *Балиллы* – военизированная организация в фашистской Италии, объединявшая мальчиков от 8 до 14 лет.

[64] Сочинение дано в переводе Е. Костюкович. Эко включил его полностью в роман «Таинственное пламя царицы Лоаны».

[65] *Черный рыцарь* (Il Cavaliere Nero) – прозвище Берлускони; Красный инженер (L'Ingegnere Rosso) – прозвище известного своими левоцентристскими взглядами Карло Де Бенедетти, владельца концерна «Оливетти» и издательства «Мондадори», конкурента Берлускони.

[66] Джанфранко *Фини* (р. 1952) – итальянский политик-неофашист.

Но, именно понимая, что сейчас лучше, я не могу простить тех, кто отравил мое детство, пытаясь вбить мне в голову прославление смерти. К счастью, эта попытка сопровождалась такой гротескной риторикой, что я быстро избавился от той безумной жажды Холокоста.

Но только ли дети податливы по натуре? Не таков ли восемнадцатилетний выпускник, которому на экзамене предлагают раскрыть тему «Мировая скорбь и гражданская лирика у Леопарди». Чтобы добиться признания, он, даже если Леопарди кажется ему просто малохольным горбуном, брезгливо наморщит нос и, не мудрствуя лукаво, раскроет все, что надо.

Взрослые тоже умеют брезгливо морщить нос. Разумеется, те, кто считает себя последователями «новых правых», хотят гарантий «умеренности» и не мечтают о возвращении «проклятого двадцатилетия» муссолиниевского правления. Я убежден, что Берлускони – в черной рубашке – на самом деле вовсе не хочет впрыгнуть однажды в круг факелов (в этом случае он должен будет яростно выкрикнуть: «В костер Рутелли[68]!») Приходится отринуть Миф о Человеке, дававшем первый толчок любому делу, и довольствоваться его более спокойной внучкой[69] (чья зачетка не позволяет ей давать первотолчок даже клистиру) или тем, кто предложит новый способ давать первый толчок. Это признак возврата к младенческому состоянию, – такие поиски спасителя, который защитит от торжествующей смуты и который снова покажет большим и малым, что такое «здоровые» чувства.

1993

[67] Намек на завоевание муссолиниевской Италией Эфиопии (1936).

[68] Франческо *Рутелли* – левоцентрист, многолетний политический соперник Берлускони. В декабре 1993 г. стал мэром Рима, победив на выборах Джанфранко Фини, верного соратника Берлускони.

[69] Имеется в виду Алессандра Муссолини (р. 1962); прежде чем начать политическую карьеру, она получила диплом хирурга.

Несколько веских причин, чтобы бросить бомбу

За последние десять дней чего мы только не наслушались: будто бомбы бросает мафия, «вооруженная фаланга», коварные спецслужбы, те, кто хочет дестабилизации обстановки, и, наоборот, те, кто желает ее стабилизации… Но при этом даже технические эксперты не могут сказать ничего внятного и определенного, у нас есть только некие предположения, претендующие на то, чтобы дать метод решения проблемы в целом.

Одним из первейших критериев в каждом расследовании является критерий экономии: рассматривая несколько различных случаев, всегда надо пытаться – если между ними можно отыскать какое-то подобие – свести их к одной и той же причине. Если за достаточно короткое время в Лондоне убивают дюжину проституток, причем одним и тем же способом, естественно, что начинают разыскивать одного виновника убийства, которому присваивают имя «Джек-Потрошитель».

Но критерий экономии не всегда оправдан: в конце концов, Джека так никогда и не нашли, и кто может утверждать, что виновников на самом деле было больше и что они действовали, вдохновляясь один другим? Мольеровские медики были уверены, что они в состоянии свести разные болезни к одной и той же причине – неуравновешенности жидкостей в организме, и лечили всё кровопусканием, однако они ошибались, и больные умирали.

Кажется убедительным, что бомбу во Флоренции[70] бросила та же рука, что и в Риме, но может оказаться скоропалительным такой вывод: «следовательно», это та же самая рука, что бросала бомбы в Болонье, Брешии, на пьяцца Фонтана[71] и так далее, отступая все дальше в прошлое. Почему? Потому что во всех случаях это происходило на пороге политических изменений, которым кто-то хотел помешать. Это тоже подозрительно, но попробуем на мгновение предположить, что мотивы были не одни и те же, – хотя бы потому, что не существует какой-то мифической «мировой закулисы» и силы, у которых нынче есть причины сопротивляться изменениям, возможно, отличны от тех, что противостояли изменениям в 1969 году (да и сами эти изменения несколько иного рода).

Попробуем предположить: да, первые бомбы были взорваны для дестабилизации, потом кто-то другой смекнул, что, подкладывая бомбы, можно добиваться других интересных результатов, и начал использовать тот же метод, преследуя иные цели. Остается ответить на два вопроса. Первый: возможно ли, что различные лица или группы лиц, способные независимо друг от друга организовать нечто, требующее оборудования, опыта, профессионализма? Ответ – да. Находятся же четырнадцатилетние, которые могут взломать компьютер в Пентагоне, и восемнадцатилетние, которые сумеют так переделать малолитражку «фиат-типо», что она мчит не хуже «мазерати», – так неужели заинтересованный заказчик не найдет на рынке любых технических исполнителей?

Второй вопрос состоит в том, каковы могут быть эти другие «веские» причины бросать бомбы. Вот вам одна, не такая уж невероятная (если вообразить, что вокруг нас хватает циничных и безжалостных людей – что не так уж трудно): предсказуемый эффект от взрыва бомбы – неделю, если не больше, печать и телевидение (не говоря уж о парламентских дебатах, встречах на высшем уровне и тому подобном) будут заняты только этим. Бомба займет не просто самую первую, но и немало следующих страниц, тогда как все остальные новости, от расследования убийства журналиста до антикоррупционной кампании, от Сербии

[70] В галерее Уффици 27 мая 1993 г. взорвана бомба – четверо погибших. Считается, что это дело рук мафии.

[71] Перед зданием сельскохозяйственного банка на пьяцца Фонтана в центре Милана 12 декабря 1969 г. погибли 16 человек и 88 ранены.

до финансов и промышленности, отойдут на второй план – в большинстве случаев о них скажут, но не прокомментируют.

Теперь представьте себя на месте человека или группу людей, которым стало известно, что завтра или послезавтра широкой публике будет представлен некий факт, на который пресса накинется с радостью: будут задавать вопросы, устанавливать связи с другими подобными фактами, выдвигать предположения и так далее. Как можно избежать этого громкого «взрыва» в массмедиа, чтобы выиграть время для необходимых предупредительных действий? Одна-единственная бомба даст вам столько времени, сколько нужно.

Однако недостаточно просто взять газету в день взрыва, посмотреть, что было интересного на внутренних страницах, и указать пальцем на виновника. Если заказчик предусмотрителен, ему не приходится действовать столь поспешно, он может сыграть на опережение. Кроме того, совсем необязательно, чтобы новость была типа «такой-то подозревается в…»; речь может идти о заметке на первый взгляд незначительной, но отталкиваясь от нее можно вывести далекоидущее умозаключение – желательно, чтобы на нее обратило внимание как можно меньше народу. Более того, может статься, что новость, способная вызвать интерес, если ее раздуть до скандала, сама по себе настолько невнятна, что газеты просто не напечатают ее из-за недостатка места. Наконец, речь может идти о новости предстоящей: кто-то собирается сделать нечто такое, о чем не желает слышать никаких пересудов, и заранее, за несколько дней, отвлекает общественное мнение на что-то другое.

Так что придется обрабатывать на компьютере все, даже самые незначительные, сообщения новостных агентств за целый месяц и набрасывать многочисленные альтернативные сценарии – только тогда удастся чего-нибудь добиться.

1993

О шпионах

Вчера я читал очередную статью о наших спецслужбах и, разумеется, выяснил, что они занимаются не своим делом (что меня огорчило) и что в их работе необходима бóльшая прозрачность (здесь я, как обычно, хихикнул). Мыслимое ли дело, спрашивал я себя, чтобы наши уважаемые политики и журналисты продолжали рассуждать о спецслужбах, не прочитав ни единого шпионского романа? Хорошие шпионские романы обычно пишутся людьми, которые сами упражнялись в этом искусстве, и поэтому даже если и выдумывают фабулу, то доходчиво объясняют, как эти службы работают.

Я, как человек, шпионские романы читающий (помнится, однажды Коссига[72] говорил мне, что читает их запоем, – и я его хорошо понимаю), кое-что из них уяснил. Прежде всего, каждая страна должна содержать спецслужбы. Содержать, как считается, для того, чтобы следить – путем внедрения или доносительства – за деятельностью террористических групп или контрабандой оружия, но в первую очередь – для того, чтобы заниматься (в интересах национальной безопасности) контршпионажем. А зачем заниматься контршпионажем? Затем, что каждая страна занимается шпионажем. И я очень надеюсь (я сказал: очень надеюсь), что наша страна занимается им тоже. Потому что, к примеру, если в Ливии имеется господин, который не прочь запустить ракеты на Лампедузу, то совершенно законно и оправданно желание, чтобы в Триполи был также господин, способный уведомить итальянские спецслужбы о появлении новых установок, нацеленных на Сапожок, да еще и способных, паче чаяния, достигать не только Лампедузы, но и Бергамо[73]. Шпионаж – это отвратительно, но Макиавелли учит, что настоящий Государь должен, во имя блага государства, делать и отвратительные вещи.

Коли секретные службы занимаются внедрением агентов, доносительством или шпионажем, они не могут и не должны быть прозрачными. Они, как следует из названия, секретны. Если глава спецслужбы даст через правительственную газету объявление о вакансии шпиона в Стамбуле или доносчика в «Вооруженной Фаланге»[74], а потом объявит имя победителя конкурса и сообщит публике бюджет операции, его надо немедленно расстрелять.

Но о спецслужбах можно сказать и другое. Поскольку им приходится находить не только смельчаков для внедрения, но и негодяев, готовых предавать своих подельников (и таким образом – негодяев вдвойне), они обычно имеют дело со всяким сбродом. Никого не должно это шокировать: каждая квес тура использует информаторов, которых покупает за гроши, и никто не рассчитывает, что тот, кого покупают за гроши, окажется порядочным человеком. Тот, кто имеет дело со сбродом, должен обладать несокрушимой моралью и крепчайшими нервами (как, например, экзорцист, каждый день разговаривающий с дьяволом), поскольку он подвергается множеству соблазнов сойти с пути истинного. Что нужно цивилизованной стране от собственных спецслужб? Чтобы они не действовали против своей страны. И что надо делать, если кто-то действует? Поскольку службы секретны и не могут себе позволить быть прозрачными, самый главный начальник, назовем его мистер М, должен решить, пусть даже скрепя сердце, что этот господин будет найден в переулке с пулей в затылке или же никогда не вернется домой, сказав жене, что пошел купить сигарет, и самое большее, что произойдет – о нем объявят в телепередаче «Разыскивается…». Это очень

---

[72] Франческо *Коссига* (1928–2011) – премьер-министр Италии в 1979–1980 гг., президент Республики в 1985–1992 гг.

[73] *Лампедуза* – итальянский курортный островок, лежащий посередине между Сицилией и Ливией; *Бергамо* – город, расположенный на севере страны, в предгорьях Альп.

[74] *«Вооруженная Фаланга»* – националистическая организация, выступающая против иммиграции из Африки и арабских стран.

печально, и я никогда не хотел бы оказаться на месте мистера М, но это случается так или никак.

Но потом, если власти, призванные контролировать спецслужбы, замечают, что в переулках находят слишком много агентов, то собираются секретные совещания, на которых обсуждается, как намекнуть мистеру М, что пора бы ему уйти в отставку по состоянию здоровья, потому что ситуация явно выходит из-под контроля. Но мистер М должен иметь постоянного куратора (и контролера) в государственном аппарате (в ранге министра, который по соображениям секретности может быть хоть министром финансов, как в случае с ФБР), и этот министр должен постоянно следить за деятельностью спецслужб.

Сейчас в Италии спецслужбы остаются на месте, а министры меняются каждые шесть месяцев, и так на протяжении пятидесяти лет. Так что проблема не в том, что спецслужбы не прозрачны, а в том, что у них никогда не было серьезного куратора и они всегда оказываются лицом к лицу со свежеиспеченными контролерами, которые берутся следить за тем, в чем ничего не смыслят. И разумеется, кот из дому – мыши в пляс. Будь я мистером М, я бы тоже, разумеется, не захотел бы ничего объяснять новичку, потому что мистер М не святой, и искушение никому не давать отчет очень сильно во всех нас, чем бы мы ни занимались.

Итак, проблема не в прозрачности, а в компетентности тех, кто должен контролировать дело, непрозрачное по определению. Спецслужбы нестабильны потому, что правительство нестабильно.

1994

«Коррида» Коррадо и настоящая страна

Газеты объявили, что «Коррида» Коррадо[75] со своими почти семью миллионами зрителей обогнала прочие, появляющиеся ежедневно, новые телепередачи. И этот успех кто-то пытается объяснить фигурой телеведущего, которому пора на пенсию, и идеей, которая уже износилась до дыр.

«Коррида» – это телешоу «рискóвых дилетантов», где публика по-садистски развлекается, глядя на старичков, отплясывающих чечетку, домохозяек, пытающихся изображать Мадонну, и тому подобное. Античные *circenses* (цирковые представления) являли собой жестокие зрелища, интерес к которым держался на трепетном предвкушении объявленной смерти гладиатора (или мученика). Новые же *circenses* зиждятся на трех противоречивых чувствах: немножко живого сочувствия к бедняге, выставляющему себя на всеобщее посмешище; садистское удовольствие от созерцания участи, которую, в отличие от колизейских мучеников, не принимают, а выбирают добровольно; что-то вроде скрытой зависти к тем, кто, отбросив стыд и разрешая издеваться над собой, получают взамен всеобщую известность – на следующий день киоскер и булочник будут их поздравлять, позабыв о том, какой жалкий вид они имели, и помня лишь о том, что их показали по телевизору, – о чем мечтает каждый.

Секрет «Корриды» (которая, возможно, начиналась много лет назад просто как плохой балаган) в том, что она представляет собой квинтэссенцию итальянской общественной жизни.

«Коррида» была жестокой, пока демонстрировала старый примитивный трюк: на сцену выводили смешного уродца, «человека, который смеется», горбуна из собора Парижской Богоматери, кувыркающегося карлика, заику и прочее в духе грубоватых комедий вроде «Давай-давай, кретин!» – и это в стране, где образцом для подражания были господа в темных двубортных пиджаках, которые торжественно перерезали ленточки и изъяснялись фразами изощренными и непонятными. Тогда «Коррида» имела ограниченную аудиторию, состоявшую из опоздавших родиться средневековых школяров и садистов, коим не довелось стать палачами.

Но сейчас «Коррида» полностью отражает итальянскую ситуацию – а именно, новый этикет, созданный во Второй республике как раз такими рискóвыми дилетантами, которые, демонстрируя свое политическое бескультурье, громоздят анаколуфы[76], неточные метафоры, варваризмы, перевранные цитаты, стилистические погрешности. Прежде всего заменили велеречивый «язык курии» – только не разговорным, а вульгарным языком, полемику – бранью, термины – матерщиной, и, думая, что «говорят как дышат», на самом деле говорят как рыгают.

Со своей стороны, рядовая публика (так и говорят – «публика», хотя когда-то это словечко звучало как насмешка: «ну, публика!») старается соответствовать этому новому публичному стилю поведения и стимулирует появление телепередач с их отовсюду понадерганной культурой, где благосклонно принимаются манеры, которые некогда стали бы предметом изучения на семинарах по психиатрии, выносятся на всеобщее обозрение семейные дрязги и аплодисментами встречают того, кто ведет себя подобно киноперсонажу

---

[75] *«Коррида» Коррадо* – телешоу, в котором непрофессиональные артисты соревнуются между собой на глазах у публики, – причем у каждого есть две минуты, чтобы завоевать симпатию зрителей. Придумано популярнейшим телеведущим Коррадо Мантони (1924–1999), известным в Италии просто как Коррадо, в 1986 г. и с тех пор не сходит с телеэкранов.

[76] *Анаколуфа* – стилистическая фигура, состоящая в неправильном грамматическом согласовании слов в предложении.

Каприоли[77], когда тот, хныча и мямля, жаловался, что ему не дали работу диктора на радио, потому что он носил резиновый напальчник на прищемленном дверью пальце: «из-за резиночки… из-за резиночки…».

Некогда в Барселоне существовал (говорят, существует до сих пор, но исполнители уже не те) «Приют богемы» – заведение, где выступали (позволив себя убедить, что публика все еще без ума от них) старые театральные развалины, задыхающиеся восьмидесятилетние певцы, скрученные артритом почти столетние балерины, древние субретки, хрипатые и целлюлитные… Зрители, состоявшие на треть из ностальгирующих, на треть – из любителей ужасов и на треть – из снобов-интеллектуалов, наслаждавшихся таким образом «театром жестокости», отбивали ладони, аплодируя, и в самые захватывающие моменты готовы были стрелять в пианиста от избытка эмоций, а исполнители были счастливы – ибо чувствовали, что зал был некоторым образом – с ними, для них, как они.

Итальянская общественная жизнь порою очень напоминает этот «Приют богемы», в ней царят крики и ажиотаж, невоздержанность, оскорбления, пена у рта, и мало-помалу «публика» (отнюдь не отбросы общества) начинает относиться к ее событиям как к жестокому спектаклю, задуманному Ариасом[78] (помните его великолепный мюзикл «Мортадела»?), с участием карликов и престарелых балерин. Так что же удивляться успеху «Корриды»? Она кажется квинтэссенцией всего вокруг: напоминает нам, кто мы есть и чего хотим, восхваляет не исключения, а правила. Коррадо – это просто Гоффредо Мамели[79] наших дней.

С другой стороны, «Коррида» – это также триумф политкорректности, она может служить образцом для других, более «серьезных» передач.

Традиционный комический театр всегда эксплуатировал уродцев, слепых, заик, карлика и толстяка, убогого и странного, тех, кто выполнял работу, считавшуюся бесчестной, или принадлежал к этнической группе, считавшейся второсортной. Все это стало табу: теперь невозможно не только оскорбительное передразнивание беззащитных парий, но даже Мольеру не позволили бы сейчас иронизировать над медиками: лига по охране их прав тут же встанет на защиту от предполагаемой диффамации.

Необходимо было найти решение, и решение было найдено. Нельзя больше выставлять на посмешище деревенского дурачка – это недемократично; но в высшей степени демократично дать ему слово, предложить ему представить самого себя в прямой речи (или «от первого лица», как называют это сами деревенские дурачки). Как это и происходит в настоящих деревнях, минуя какую бы то ни было художественную обработку. Теперь не смеются над актером, изображающим пьяного, а просто покупают выпивку алкоголику и смеются над его свинством.

Достаточно вспомнить, что эксгибиционизм не просто входит в число выдающихся качеств деревенского дурачка, но также найдется легион таких, кто ради удовлетворения собственной страсти к эксгибиционизму готов исполнять роль деревенского дурачка. Некогда двое супругов, чей брак дал трещину, подали бы в суд за клевету, если бы кто-то позволил себе обыгрывать их жалкие перепалки, – как учит поговорка, грязное белье следует стирать дома. Но если те же самые супруги не просто позволяют, но жаждут выставить на всеобщее обозрение свое убожество – кто теперь сможет их осуждать?

Мы оказываемся свидетелями того, как парадигма чудесным образом выворачивается наизнанку. Исчезает фигура комика, который оскорбляет беззащитного неполноценного инвалида, и, напротив, неполноценный появляется собственной персоной, бесстрашно

---

[77] Витторио *Каприоли* (1921–1989) – телеактер и сценарист.

[78] Альфредо *Ариас* (р. 1944) – французский драматург и режиссер аргентинского происхождения.

[79] *Гоффредо Мамели* (1827–1849) – автор текста национального гимна Италии, принятого в 1946 г.

предъявляя собственную неполноценность. Счастлив он, выставляя себя напоказ, счастлив телеканал, который может сделать зрелище, не платя актерам, и счастливы мы, – мы можем наконец снова смеяться над чужой глупостью, удовлетворяя собственные садистские наклонности.

Телеэкраны теперь ломятся от безграмотных, смело путающих глаголы, гомосексуалистов, называющих «старыми педрилами» тех, кто разделяет их же собственные вкусы, истеричек прорицательниц, устраивающих балаган из собственной запущенной болезни, не попадающих в ноты певцов, «синих чулков», вещающих о «палингенетивном подавлении человеческого подсознания», счастливых рогоносцев, безумных ученых, непризнанных гениев, авторов за свой счет, тех, кто раздает оскорбления, и тех, кто их принимает, тех, кто безмерно рад, что наутро о них будут говорить в лавочке на углу. Раз уж деревенский дурачок радуется, выставляясь напоказ, мы тоже можем смеяться над ним без зазрения совести.

1995

Стыдно не иметь врагов!

В одной из «картонок» я уже рассказывал о моих приключениях с таксистами. Такие приключения в Нью-Йорке интереснее, чем где бы то ни было еще, по трем причинам. Прежде всего, таксисты там самого разного происхождения и цвета кожи и говорят на самых разных языках; на карточке значится имя, и очень забавно бывает гадать, кто шофер по национальности – турок, малиец, грек, еврей, русский и так далее. Многие из них постоянно слушают «свое» радио, станцию, которая вещает на их языке, передает их песни; иногда доехать от Виллиджа до Центрального парка – все равно что совершить путешествие в Катманду.

Во-вторых, в Нью-Йорке никто не водит такси всю жизнь, это – временное занятие; поэтому за рулем можно встретить студента, безработного банковского служащего, недавнего иммигранта. В-третьих, разные группы таксистов сменяют друг друга: то большинство из них греки, то вдруг все, как один, пакистанцы, то пуэрториканцы и так далее. Это позволяет следить за волнами миграций и за успехом, какого добилась та или иная этническая группа: когда ее представители покидают такси, это значит, что им улыбнулась удача, они заявили о себе, и теперь все устроились на работу в табачные киоски или в зеленные лавки, перебрались в другой район и поднялись на одну ступеньку по общественной лестнице.

Таким образом, если отвлечься от всяких индивидуальных вывертов (кто-то зол, а кто-то прекраснодушен; кто-то горячо поддерживает некую партию, а кто-то яростно выступает против чего-нибудь и так далее), такси – наилучшее место для социологических исследований.

На прошлой неделе мне попался темнокожий таксист с неудобопроизносимым именем и поведал, что он – пакистанец. И спросил в свою очередь, откуда приехал я (в Нью-Йорке все откуда-нибудь да приехали); я ответил, что из Италии, и он буквально засыпал меня вопросами. На первый взгляд казалось, будто Италия его очень интересует, но вскоре я понял, что он попросту ничего не знает о моей стране – ни где она расположена, ни на каком языке там говорят (обычно, если таксисту сказать, что в Италии говорят по-итальянски, он слегка обалдевает, ибо твердо убежден, что весь мир говорит по-английски).

Я по-быстрому описал ему полуостров: посередке горы, по краям берега и много красивых городов. Он спросил, сколько нас, и поразился, что так мало. Потом он спросил, белые мы или смешанной расы, и я постарался обрисовать страну, где первоначально жили одни белые, но теперь есть и черные, хотя меньше, чем в Америке. Естественно, он хотел знать, сколько у нас пакистанцев, и очень опечалился, услышав, что, может быть, их и есть какое-то количество, но уж всяко меньше, чем филиппинцев или африканцев; он, наверное, призадумался, отчего это его народ обходит наши края стороной.

Я по оплошности сказал ему, что индийцев у нас тоже очень мало, и он метнул в меня злобный взгляд: разве можно ставить на одну доску такие разные народы да еще поминать при нем этих грязных недочеловеков!

Наконец он спросил, кто наши враги. «Что, что?» – переспросил я, и он терпеливо пояснил, что хочет узнать, с какими народами мы в настоящее время воюем из-за территориальных претензий, расовой ненависти, постоянных нарушений границы и тому подобного. Я сказал, что мы ни с кем не воюем. Он с неизбывным терпением растолковал, что хочет узнать, кто наши исторические противники, те, что испокон веку убивают нас, а мы – их. Я повторил, что таковых у нас нет, что последнюю войну мы вели пятьдесят с лишним лет назад, да и тогда не знали в точности, кто наши враги, а кто – союзники. Но он этим не удовлетворился, он был уверен, что я лгу, и заявил об этом в открытую. Может ли такое быть, чтобы народ не имел врагов?

На этом все и кончилось, я вылез из машины, оставив ему два доллара на чай, в виде компенсации за наш непробиваемый пацифизм, а потом со мной случилось то, что французы называют esprit d'escalier: это когда стоит тебе спуститься по лестнице после какого-то разговора, как в голову приходит достойный ответ, который ты мог бы дать, или удачная шутка, которая пришлась бы к месту.

Я должен был сказать ему: нет, это неправда, что итальянцы не имеют врагов. Внешних врагов у них и в самом деле нет; а если бы и были, то итальянцы никогда бы не сподобились договориться между собою и решить наконец, кто они, эти враги, ибо мои соотечественники постоянно ведут войну, только внутреннюю. Итальянцы воюют друг с другом: когда-то один город воевал против другого, еретики – против ортодоксов; потом – класс против класса, партия против партии, течение в партии против другого течения в той же самой партии; после – регион против региона и, наконец, правительство против судебных органов, судебные органы против экономической власти, государственное телевидение против телевидения частного, сторонники коалиции против сторонников той же самой коалиции, департамент против департамента, газета против газеты.

Не знаю, понял бы он меня или нет, но зато я бы избавил себя от позора принадлежать к стране без врагов.

1996

Заметочки о каникулах off-shore

Этим летом, по стечению досадных обстоятельств, я остался без отпуска. Прошу прощения за автобиографическую подробность, которая никому не интересна, однако должен же я разъяснить, каким образом, не принадлежа к высшей финансовой элите, я оказался на Большом Каймане. В те недели я мотался между двумя Америками и, обнаружив с радостным изумлением, что у меня освободилось пять дней, удрал на ближайший из островов Карибского моря, куда можно было долететь без сложных пересадок. То был один из Каймановых островов, расположенный чуть к югу от Кубы, недалеко от Ямайки; крохотное государство, принадлежащее к Британскому Содружеству, где в ходу каймановы доллары, – когда платишь каймановыми долларами, такое впечатление, будто ты в Диснейленде.

Каймановы острова имеют три особенности: первая, к которой я еще вернусь, то, что это – известный всему миру налоговый рай; вторая – тихое, прозрачное, теплое море, плавая в котором натыкаешься то на невероятно проворных морских черепах, то на скатов, невообразимо огромных, но вполне дружелюбных, так что я подумываю о том, чтобы составить новый Манифест в Защиту Ската; и, наконец, та, что местный туризм большей частью основывается на мифе о пиратах.

И не потому, что Колумб, причалив к этим островам, назвал их Тортугас, ибо знаменитая Тортуга, памятная по книжкам Сальгари[80], лежит немного к северо-западу, а потому, что в силу их расположения и того, что первоначально они были пустынны, эти острова служили убежищем для многих пиратских кораблей – отсюда они совершали свои набеги. Умело используя этот миф, местные туристические фирмы набивают целые супермаркеты разным пиратским снаряжением (к восторгу самых юных туристов) и организуют пиратские празднества. Галеон, вполне правдоподобный, хотя и скромных размеров, становится на рейд, оттуда высаживаются пираты с повязкой на глазу, крючьями, абордажными саблями; они похищают визжащих девиц в костюмах под старину, устраивают поединки и, наконец, фейерверк, пиратские танцы на берегу и обильный ужин: тушеная черепаха и моллюски с напоминающей жевательную резинку мякотью, богатой протеинами, которую местные жители готовят разными способами. Шоу рекомендуется для всей семьи, поскольку пираты (подумайте, сколько рабочих мест предоставляет этот пиратский промысел для мирных кайманцев) во время своих набегов не имеют права выпить даже кружки пива.

В общем-то, все мы знаем, что пираты (те, настоящие) были негодяи без стыда и совести, не признающие никаких законов: им ничего не стоило отрезать руку ради кольца; они упивались насилием и грабежами; любимой забавой для них было проводить какого-нибудь несчастного по доске в море; одним словом, преступники, сыновья, мужья и отцы женщин сомнительного поведения; ужасные на вид, немытые, воняющие чесноком и ромом. Но время лечит любые раны, с Божьей и Голливуда помощью, и теперь эти жалкие людишки превратились в героев легенды: пап, мам и детишек, приезжающих сюда, неодолимо влечет их полная приключений жизнь.

А теперь вернемся к тому, что Каймановы острова – рай *офшора*, то есть место, где не существует налоговых пут и куда, как мы ежедневно читаем в судебных хрониках, переводят капиталы мастера липовых смет, корсары вымогательств, лазутчики Взяткополя, торговцы оружием – словом, те, кого наша нынешняя мораль признает человеческим отребьем. Но что будет через двести или триста лет?

Время залечит раны. Бродя по острову, я воображал, как эти крестные отцы со всего мира сидят в укромных виллочках, разбросанных по всему побережью, и плетут козни,

[80] Эмилио *Сальгари* (1862–1911) – итальянский писатель XIX в., автор приключенческих романов для подростков.

как то и полагается представителям теневого бизнеса, закоренелым взяточникам, отмывателям денег сомнительного происхождения. А еще я воображал, как через двести лет местная туристическая фирма устроит представление: длинные яхты с вертолетами на борту подплывут к берегу, и с них высадятся негодяи нашего времени, лишающие куска хлеба вдов и обижающие сирот, раса хозяев, новые флибустьеры, виртуозы уклонения от налогов, серферы офшора, а с ними – гибкие, тоненькие актрисульки и фотомодельки; все, разумеется, будет понарошку, ибо подлинные персонажи давно уже сойдут в могилу; но актеры оденутся так, как сегодня одевается богатый адвокат с уголовной клиентурой, эксперт по ложным банкротствам, взяточник – чисто выбритый, благоухающий дорогим лосьоном, с золотой цепочкой на загорелой груди…

И туристы будут платить, чтобы увидеть висельников нашего века. Однако, если мы можем вспомнить имена былых пиратов – Морган, Дрейк, Пьер Л'Олонне, капитан Флинт и Долговязый Джон Сильвер, то к тем, будущим, придется относиться с большей осторожностью. Хотя всех их и выпустили под залог, никто так и не был признан виновным.

1996

Памяти Джинджер Роджерс

Умерла Джинджер Роджерс. Думаю, эта новость тронет сердца людей моего поколения и любителей кино всех возрастов, которые смотрят снова и снова, как она, легкая и грациозная, танцует со своим незабвенным Фредом Астером. Вдумавшись (и вглядевшись), можно обнаружить, что у Астера, скорее всего, были более одаренные партнерши, а у самой Джинджер, когда она не танцует, походка тяжелая, чуть подагрическая, как у Де Сики[81] в роли фельдфебеля из фильма «Хлеб, любовь и фантазия».

Но какая разница? Это они – классическая пара, это их воздушные вальсы и залихватская чечетка сотворили миф, который десятилетия спустя вдохновил Феллини на создание фильма «Джинджер и Фред».

Но я не собираюсь вдаваться в ностальгические воспоминания. Дело в том, что Джинджер и Фред, те, настоящие, задали модель жизни как спектакля и спектакля как жизни – модель, которая ныне восторжествовала в нашем обществе. Сами они, впрочем, этого не знали, а полагали, что всего-навсего делают мюзикл.

Все знают, что мюзикл – это такой спектакль, сначала поставленный в театре, а затем снятый в кино, где герои то говорят, то поют. Вот вам достаточная причина, чтобы заявить: нет, в мюзикле все не так, как в жизни; но то же самое можно сказать и об опере или оперетте.

Однако же у американского мюзикла есть другая особенность: если насчет оперы никто не задается вопросом, почему герои поют, а не говорят и как это может быть, чтобы девушка в последней стадии чахотки испускала трели, каких не выдержат и здоровые легкие, то в мюзикле такую странность пытаются чем-то оправдать. История, которая там рассказывается, – это история о том, как некие персонажи готовят постановку мюзикла.

Следовательно, мюзикл всегда говорит в основном о самом себе; это – модель метаромана, который литературные критики считают порождением постмодернизма: романа, где повествователь выводит персонажа, который пишет роман, как правило, тот самый, который предлагается читателю.

Будучи так построен, мюзикл уже предполагает, что жизнь – это некий спектакль, поскольку превратности, которые преодолевают персонажи, стоят на пути к великой, героической цели: поставить спектакль на сцене. Дойти до премьеры, добиться триумфа – для Джинджер и Фреда то же самое, что для Ахилла победить Гектора, а для Улисса – захватить Трою. То и дело незаметно переходя от спектакля к жизни, персонажи мюзикла никогда не знают, где жизнь, а где игра.

Этим объясняется, почему Фред Астер приходит на все любовные свидания во фраке и почему в сцене, где по законам реалистического кино он должен был бы привязать Джинджер к спинке кровати (или она его – и оба должны были предаться безудержной страсти, как того требует *основной инстинкт*), он вместо этого кружит партнершу в танце. При этом поет. Сублимирует эротику.

Вот в чем величие и прелесть Джинджер и Фреда: говоря нам с улыбкой, что жизнь – спектакль, они в спектакле и оставались, не изливаясь со сцены в реальную жизнь. Я хочу сказать, что Фреду Астеру никогда не приходило в голову баллотироваться в президенты Соединенных Штатов только на том основании, что он неподражаемо отбивает чечетку.

Однако же, помимо воли божественных Джинджер и Фреда, их урок был воспринят совсем по-другому. То, что мы теперь называем «политикой-спектаклем», зрелищной политикой, – не что иное, как медленное развертывание основного принципа мюзикла. Подумайте только: ведь самые ожесточенные политические дебаты по телевизору уже проводятся

[81] Витторио *Де Сика* (1901–1974) – известный итальянский актер и кинорежиссер.

не о том, «как управлять страной», а о том, «как представить на сцене хорошие политические дебаты»: во время дебатов дебатируются правила дебатов, обеспечивается равновесие сил, создаются равные условия.

Если раньше люди жили, занимались политикой, а потом шли в театр или в кино посмотреть, как комики лупят друг друга по морде, то теперь занимаются политикой, лупя друг друга по морде и ожидая одобрения тех, кто, дабы приобщиться к политической жизни, глядит, прильнув к экрану телевизора, как политики лупят друг друга по морде.

Этим объясняется и тот факт, что за душой у политиков осталось несколько плоских шуточек и пара расхожих мыслей: ведь в политике, как в мюзикле, все теперь построено на экивоках, на игре недоразумений. Джинджер принимала Фреда за другого, а Фред всегда считал, что Джинджер любит другого; оба прилагали все усилия, чтобы породить недоразумение, а потом сам ход действия приводил к узнаванию и счастливой развязке. Немногим отличаются от этого современные политические игры.

С одним непредвиденным последствием: зрители тоже решили принять участие в спектакле. И сказали неправду в предвыборных опросах. И тот, кто уже мнил себя победителем, бросился, отбивая чечетку, в объятия Джинджер, которая на самом деле любила другого.

1997

Речений истинных высокое зерцало[82]
Языки и модели поведения

Как наговорить плохих слов в момент

Книжное приложение «Туттолибри» к газете «Стампа» решило провести опрос среди читателей, чтобы установить, какое слово является самым ненавистным и какое – самым любимым, а «для затравки» выяснило мнение на этот счет некоторых писателей. Должен сказать, что я согласен с полученными ответами, по крайней мере по части ненавистных слов (мне кажутся таковыми: «момент», «оптимизировать» и «потребитель»).

Что же касается самого любимого слова, тут я пребываю в некоторой растерянности. Конечно, в английском мне нравятся flabbergasted, discombabulated, preposterous и jeopardize[83], в немецком – gemütlich[84], в испанском – desarollo[85] и во-французском – à savoir[86], но это просто шутливые реакции ксеноглота[87] (тоже ничего). А в итальянском – не могу сказать: потому что ведь то слово хорошо, которое в данный момент, в данном контексте выразительно описывает ситуацию и ложится на свое место. «Тонуть» – прекрасно у Леопарди[88], но может оказаться банальным, когда речь идет о неуспехе предприятия, и ненавистно тому, кто размышляет о любовной лодке, разбившейся о быт. На страницах «Стампы» Фердинандо Камон находит прекрасным слово «любовница» и неприятным – «жена», но я не могу избавиться от мелкобуржуазных воспоминаний моего детства, в которых выражение «его любовница» относилось к густо накрашенной особе в мехах, встречавшейся с жирным чиновником в убогом окраинном баре перед блюдом, на котором лежали конфетки с ликером.

Но если вне контекста одни слова не милее других, не следует ли то же самое в отношении слов ненавистных? «Момент» может звучать изящно в устах матери, которая хочет успокоить ребенка. И слово, которое я ненавижу больше всего, – «спрягать»? Может быть, при первом употреблении оно звучало как смелая метафора. А «точно!» в значении «да»? В первых выпусках телевикторины оно было уместно, как победный клич, славящий выдающуюся память игрока.

---

[82] Первая строка сонета Витторио Альфьери «К себе самому» (1794).

[83] Ошарашенный, смятенный, несусветный, подвергать риску *(англ.)*.

[84] Уютный *(нем.)*.

[85] Разъяснять *(исп.)*.

[86] А именно *(фр.)*.

[87] Чужеязыкого *(греч.)*.

[88] Речь идет о последней строке хрестоматийного стихотворения Джакомо Леопарди «Бесконечность»: «И сладостно тонуть мне в этом море». *(Пер.А. А. Ахматовой.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.